

Wazamonogatari

Аннотация

«Имя Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд всегда занимало особое место в сердце Моей светлости...»

Около шестисот лет тому назад в одной давным-давно исчезнувшей империи жила-была Прекрасная принцесса. Любой с готовностью расставался с жизнью во имя красоты сей девы, которая не знала себе равных, а посему путь принцессы был обагрён кровью, ибо она оставляла за собой горы трупов.

Эти легендарные странности! Странности! Странности!

Юность порою так же жестока, как и сказки.

Начальные иллюстрации

Жестокая сказка. Прекрасная принцесса

Жестокая сказка
**Прекрасная
принцесса**

Сия история правдива и приключилась без малого шесть веков назад. Однако с радостью соглашусь с вами, ежели не поверите преданию старины глубокой и посчитаете его небылицей. К тому же из сказанного не извлечь урока, а счастливой концовки и вовсе не предвидится, посему я твёрдо верю, что лучше посчитать сие самой что ни на есть выдумкой.

Давным-давно, около шестисот лет тому назад, в одной империи, название которой затерялось в глубине веков, жила-была дева небесной красоты. Она была особой благородной крови, единственной дочерью богатой и знатной семьи. Слава о её красоте гремела по всей стране, достигая отдалённых уголков, так что не сыскать было во всей империи подданного, который не слышал бы о сей деве, поскольку портреты её украшали интерьеры буквально каждого дома.

Шелковистые волосы цвета золота; чудесные широко распахнутые глаза, украшающие безупречный овал лица; ярко-красные губы; изящная шея; белая, почти прозрачная кожа; тонкие, словно салансовые рыбки, персты; высокая узкая талия, плавно перетекающая в длинные стройные ноги.

Люди всех родов и сословий, и стар, и млад, мужчины и женщины — каждый был пленён красотой сей девы. За её красоту Его Величество Император пожаловал ей титул «Прекрасная принцесса», и весь народ стал величать её сим именем и возлюбил пуще прежнего. К замку её тянулись бесконечной вереницей подданные, стремящиеся хотя бы одним глазком увидеть деву, о чьей красе ходила молва. В благодарность они несли Прекрасной принцессе дары, ведь красота её превосходила самые смелые ожидания. День ото дня подле её замка росли горы подарков.

— Принцесса, я вложил Ваше совершенство в музыку. Покорнейше прошу Вас принять мой скромный дар, — сказал музыкант и заиграл мелодию на скрипке.

— Принцесса, я воспел Вашу красоту в стихах. Покорнейше прошу Вас принять мой скромный дар, — сказал поэт и продекламировал своё творение.

— Принцесса, я запечатлел Вашу красоту в статуях. Покорнейше прошу Вас принять мой скромный дар, — сказал скульптор и преподнёс сотню изваяний.

Но ничто не могло обрадовать принцессу. С превеликой тоскою смотрела она на горы подарков, и никто не замечал, что на устах её никогда не играла улыбка, ведь даже печальное лицо принцессы было до невозможного красивым.

— Никто не видит меня настоящую, — оставшись в одиночестве, горевала в своих покоях принцесса. — Они без устали твердят о моей красоте, но, кроме возгласов восхищения, я ничего не слышу. Люди и знать не знают, что я за человек. Не догадываются, какая я внутри.

И в том было горе Прекрасной принцессы.

Все как один были очарованы красотой сей девы. Восхваляли её. Взоры толпы устремлялись только к ней, а всё прочее забывалось. Однако подданных интересовала лишь внешняя красота принцессы: никто не видел её поступков и не слышал её слов.

Никто не знал (да и не пытался узнать), что кроется в душе принцессы.

Что бы ни делала, что бы ни говорила, дева слышала одно и то же: «О, как она прекрасна!» Народ оставался безразличен к её успехам и неудачам в любых начинаниях; к её хорошим и дурным поступкам, а посему молва твердила одно и то же. Красоту находили в каждом движении Прекрасной принцессы, в каждом шаге. Она была прекрасна и днём, и ночью, и титул её не сходил с уст людей.

Но разве такая краса не от дьявола?

— Да что же я, сама себе не хозяйка?! Не желаю быть рабой своей красоты! Она дана мне от рождения, и она же самая что ни на есть обуза! Желаю, чтобы люди узрели мою душу!

И мольбы принцессы услышала ведьма, что жила в этих краях с незапамятных времён. Её тронула поразительная сила воли сей девы, ведь она не желала полагаться на свою красоту.

Под покровом ночи старуха прокралась в замок. Поначалу её вело лишь любопытство: она хотела убедиться, что слухи о красоте принцессы правдивы, но в конце концов ведьма решила исполнить желание девы.

— Прекрасная принцесса, я сделаю твою внешнюю красоту незаметной чужому глазу, но взамен открою людям твоё сердце. Отныне и впредь лишь душу твою они лицезреть будут!

Старуха произнесла заклинание, взмахнула клюкою, и через белую, почти прозрачную кожу принцессы буквально начала просвечивать её внутренняя красота.

— Большое спасибо вам, матушка! — Прекрасная принцесса поблагодарила ведьму от чистого сердца...

Которое отныне было открыто всем и каждому.

Внешняя красота более не слепила взоры поданных, но, как оказалось, красота обнажённого сердца принцессы затмевала даже её. Ведьма сделала видимой человеческую душу девы, доселе сокрытую за неотразимой наружностью, и сияние сей души озаряло самые дальние уголки империи — теперь принцесса могла вовсе не покидать замка.

С восходом солнца отец принцессы узрел красоту сердца дочери своей и устыдился, что до сих пор сего не замечал. Пожелав ей доброго утра, он в следующий же миг бросился с балкона вниз, дабы наказать себя за непростительный поступок. Матушка же принцессы преисполнилась гордости за то, что родила дочь со столь кристально чистой душой. Но сразу после завтрака тихо и мирно скончалась, словно уже отыграла роль, ради которой и пришла в этот мир. Музыкант решил, что не способен выразить доброту Прекрасной принцессы в мелодии, а потому взамен предложил деве самое дорогое, что у него было, вещь более

драгоценную, чем его жизнь: он отрезал себе кисти, которые извлекали из инструментов музыку, и преподнёс их в дар. Поэт решил, что не способен сложить такие стихи, чтобы они в полной мере выразили мудрость Прекрасной принцессы, а потому взамен предложил деве самое дорогое, что у него было, вещь более драгоценную, чем его жизнь: он вырвал себе язык, благодаря которому зачитывал свои творения, и преподнёс его в дар. Скульптор решил, что не способен изваять такую статую, какая бы в полной мере отразила храбрость Прекрасной принцессы, а потому взамен предложил деве самое дорогое, что у него было, вещь более драгоценную, чем его жизнь: он вынул свои глаза, которыми оценивал добротный камень, и преподнёс их в дар.

Верноподданные империи предавали огню портреты принцессы, которыми доселе дорожили. Люди удивлялись, как можно было столь высоко ценить такую безвкусицу, и убеждали друг друга, что гораздо лучше любоваться великодушием и благородством Прекрасной принцессы. И не нашлось человека, которого не изумила бы безупречная чистота её души, который не признал бы сию красоту истинной.

Только не всякий человек обладал чем-то более драгоценным, чем его жизнь. А посему они пусть и нехотя, но отдавали её, не без сожаления думая, что столь ничтожный дар не годится для подношения принцессе. Люди отдавали ей свою жизнь, жизни своих отцов, матерей, братьев, сестёр, детей и внуков. С тех пор у замка высились горы не подарков, а трупов, и вскорости они переросли его стены.

— О Боже, какое несчастье! Я и помыслить не могла, что всё этим кончится!

Горы трупов и реки крови, что пролились во имя души принцессы, повергли её в отчаяние, и отправилась она к ведьме просить снять с себя заклятье, но было уже слишком поздно. Старуха первой узрела душу принцессы, а потому раньше всех преподнесла в дар деве вещь более драгоценную, чем её жизнь: она лишила себя головы, что хранила многовековые знания. Склонившись пред отрубленной главою, принцесса зарыдала.

Скорбящий вид её и красота сердца, что стеноло и проливало слёзы по утраченным жизням, очаровали поданных империи пуще прежнего, отчего те поспешили, соперничая друг с другом, побыстрее расстаться с жизнями и теми вещами, что были ценнее жизни, чтобы преподнести их в дар принцессе. И, дабы утешить её, каждый из них шёл на смерть с улыбкой на устах. Казалось, они счастливы отдать жизнь во имя принцессы, узрев красоту её души, а не попав под очарование красоты внешней.

Долго ли, коротко ли, а всё же дошла дурная молва о растущих горах трупов (вернее, о замке трупов) до имперской столицы и соседних государств. Но сколько бы войск ни отправляли захватить замок, а ещё на подступах все воины до единого попадали под влияние Прекрасной принцессы: их предубеждения рассеивались, взгляды менялись, души очищались, и они, полные радости и по собственной воле, стремились поскорее пополнить собой очередную гору трупов.

— Довольно! Все, все мертвы! Все умирают по моей вине! И никого я не в силах спасти! Чем больше говорю, чем дольше живу, тем выше горы трупов! С меня довольно, я желаю лишь смерти!

Но умереть принцесса не могла. Сильная духом, она не могла убить себя. Даже на себя разозлиться!

— Так отправляйся же странствовать, — вдруг заговорила отрубленная голова ведьмы.

Слёзы, что принцесса пролила над ней, совершили чудо, и старуха на несколько мгновений ожила.

— Возможно, однажды настанет тот день, когда ты сможешь спасти того, кто решится умереть во имя дьявольской красоты твоего сердца. Но до той поры ты должна как можно дальше держаться от людей. Ни с кем не сближаться и жить в одиночестве. Никогда не задерживаться подолгу на одном месте. Иначе снова потянутся вереницы тех, кто захочет преподнести тебе в дар свою жизнь.

И, промолвив это, ведьма снова отошла в мир иной.

Засим Прекрасная принцесса оставила залитый ярко-красной кровью и усеянный трупами замок и отправилась в странствие без конца и без края. Она последовала совету ведьмы (что походил скорее на проклятье), дабы никто более не умирал во имя неё. Дева скиталась в одиночестве по всему свету, и некому было разделить её долю. Именно так началась легенда о кровавой вампирше (в которую чуть позже и превратилась принцесса)... Легенда о Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Только спустя шесть сотен лет она впервые сумела спасти одну крохотную жизнь, что была пожертвована во имя её чистого сердца.

«Прекрасная принцесса». Конец.

Bon Appétit Ацерола

Имя Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд придумано Моей светлостью¹. Чего греха таить: имя-то прекрасное, сильное, крутое — первоклассное, одним словом... Лучшим женщинам — лучшие имена, так?

Особо хороша первая часть — Киссшот.

Очень уж мне по нраву.

И подтекст есть — кусай, точно целуешь. А если даже сходу не сообразить, что и как, «Киссшот» само по себе стильно звучит.

Кстати, до того как получить от меня имя это, она принцессой Ацеролой звалась.

А ещё раньше — Лорой.

Когда ж Лору во всеуслышание наследницей императора объявили, тут и имечко новое подоспело — принцесса Ацерола... Ну, для человека не так уж и плохо, только звучит уж больно мило.

При таком имечке милым и не соврёшь никому толком — не поверят даже!

Точно для барышни грациозной и утончённой придумано.

По сути, она и была той самой грациозной и утончённой барышней, пока человеком оставалась, так что всё кстати было. Ну а как в вампира обратилась — всё уж, дудки. Можно сказать, зазорно.

Никуда не годится.

Настоящий вампир, как и человек, начинается с имени.

Как и человек...

Нет, почитай, как и любая другая нечисть.

В общем, имечко такое нужно, чтоб сказал, а у людишек сердчишко в пятки ушло.

Вот и пришлось пораскинуть мозгами, чтоб нечто первоклассное выдать.

Во-первых, такое имечко и аристократке впору. Во-вторых, крутое. В-третьих, запоминается легко. И, наконец, от него так и веет злом — никто не будет трепать его попусту.

Прекрасное имя — прекрасной женщине.

И раз уж мой укус принцессу обратил, то и отвечать за подбор имени надобно мне.

...Честно говоря, есть у меня сожаления кой-какие на счёт этот. Не, имя-то отличным вышло, здесь я не сомневаюсь. Меня аж от гордости распирает: не просто придумать, а ещё ладно так, чтоб с будущим её сошлось, — это уметь надобно.

Только вот не стоило, поди-ка, *мне* имя ей подбирать... Ну, слышали, как молвят? Дашь кличку питомцу — а вот и привязался к животинке.

Вампиру ж прикипать к человеку — позор! А вообще, до сих пор не разумею, что там между нами было-то. Дружба? Любовь? Похоть?

Лишь одно скажу наверняка.

Голод тут точно ни при чём.

Ну, сами посудите, кто ж это окрестит блюдо «Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд»?

Примечания

1. Здесь и далее по тексту рассказчик в основном употребляет личное местоимение «*орэ-сама*». Это довольно грубый способ заявить о себе, вдобавок не лишённый самопревознесения. Использование «*орэ-сама*» призвано показать мужественность и напыщенность говорящего.

Кажись, мне снова умереть пришлось.

Такая-от догадка смутная в голову взбрела, покамест сознание моё ещё не прояснилось. Смерть для меня, вообще, дело-то обычное, только в этот раз жизнь моя оборвалась особо — аж жуть берёт!

Откуда мне это знать? Да приходишь тут в себя, глядь — твоя же голова на полу валяется! Шею, видать, свернули, да с силой и жестокостью такою, что голову оторвали.

Вот и уставилась голова на меня: на лице никакой эмоции, лишь в глазах горечь. Конечно, тело-то моё вампирское уж новую отрастило, а что до старой — она раньше управляла телом, — участь у неё незавидная: исчезнет, прахом рассыплется. Потому-то и глядела на меня с обидою.

В прошлый же раз, когда мне тоже голову оторвали (иль отсекли?), именно она тело отрастила, а старое — в пыль, так что ума не приложу, как регенерация работает и что откуда растёт.

Кстати, коли начну, как простейшие твари, и голову, и тело враз растить¹, то число «меня» до бесконечности увеличится, и тогда уж личность моя рассыплется на тысячу песчинок. Не, не надо, пусть всё идёт своим чередом.

На меня частенько с обидой глядят, дело уж привычное, но в этот раз глазела так моя же голова, да с укором ещё, а уж от этого ощущения другие совсем... К слову, об ощущениях. Вкусовых ощущениях.

Как ни в чём не бывало рука моя к голове потянулась да за волосы её сцапала...

Даже добавлю, за роскошные золотистые локоны.

Свет в глазах уж погас, они потеряли блеск, какой при жизни бывает, но волосы, равно как и радужка, яркость золота сохранили.

В золоте, говорят, нет ничего заманчивого, но это не про меня: мои глаза да волосы мистически-золотого оттенка... От такого зрелища страшно захотелось куснуть поскорей затылок собственной головы, что с плеч свалилась. Сказано — сделано. Как же приятно смаковать во рту каждый волосок, каждую косточку!

Просто устоять не могу пред дивным вкусом кашицы из мяса, костей, крови да мозгов! А хлюпающий звук, какой издают глазные яблоки, когда их жуёшь, — просто нечто! К такому и пристраститься-то не грех!

Давненько жевать не приходилось голову собственную, и она, скажу не тая, по-прежнему бесподобна!

Деликатес, какой всего-то парочку мгновений ешь, покамест не испарится... Хрум-хрум.

Стоило набить щеки шейными позвонками (люблю катать их во рту языком, рассасывая, пока они совсем уж не исчезнут), как вдруг кто-то окликнул меня:

— Прошу прощения великодушно, — прекрасный голос звучал так же сладко, как и хруст позвонков во рту, — я всё хотела спросить, неужели... вам это нравится?

— А то! Вкуснотища! Это ж *моя* голова, а не чья-то ещё, так? — враз последовал ответ. Коли рот позвонками набить, то и не поговорить потом толком; проглотить их целиком тоже непросто: уж больно большие, потому-от и пришлось распахать за щёки... Прямо как белка. — Вкусна еда али нет — далеко не суть. Будь даже откровенная дрянь, я всё равно её съем!

Я пожираю тех, кого убиваю.

За счёт того и живу².

— А-а, — она, то бишь принцесса Ацерола, выслушав объяснения мои, неуверенно кивнула, как бы соглашаясь.

Сразу видно: не поняла ни черта.

Да и к чёрту понимание! Раздражало другое: она меня не боялась ничуть.

Более того...

— Вам следует перестать это делать.

Глянь-ка! Такая привилегированная особа и вдруг забеспокоилась обо мне (да-да, не о другом человеке, а о самом настоящем вампире), — не по-человечески это!

Её учтивость взбесила, да-от рот был забит, чтоб ответить. Пришлось собрать все семь позвонков за одной щекой да разгрызть с хрустом... Чёрт, а так хотелось подольше их пообсасывать...

— Ты, принцесса, не осуждай чужие-то привычки.

— У меня, разумеется, нашлось бы, что сказать вам по поводу привычки есть свою же голову, однако я тревожусь о другом, — возразила принцесса Ацерола.

И вот слышу её тон, и мерещится мне, будто у барышни тревога на душе какая, но причина тревоги этой, как я думаю, просто из ряда вон... Не ошибусь, если скажу, что обо мне она беспокоится.

Как пить дать!

Вот что бесит так бесит!

Да тут любой вскипит от гнева! Проглоченная голова уж готова вот-вот свариться в желудке!

— Другое её тревожит, ха! Чего это принцессе разорённой страны обо мне тревожиться?

— Я хочу сказать, что вам лучше оставить попытки убить меня... Это всё равно невозможно.

А, понятно.

Так вот о чём она.

Ясно, что меня прикончило. То же, что и в предыдущие три раза.

Прежде головы меня разорвали на части.

Ещё раньше сердце из груди вырвали.

А перед этим порубили на кусочки мелкие.

Хоть тело моё и умирало по-разному, а причина одна и та же была: принцесса Ацерола.

Люди, кажись, величают её Прекрасной принцессой, только от меня она такого не дожждётся. Да ни в жисть! Имечко и так неудачное.

— Женщине, сумевшей *четырежды* (с учётом смерти крайней от обезглавливания) убить такого сильного вампира, как я, имя чувственное не сдалось, — услышала от меня принцесса Ацерола, с чем тут же согласилась:

— Я и сама считаю, что более не в праве носить титул «Прекрасная принцесса», — и покачала головой.

Н-да... Мрачный жест да ещё вид этот безутешный — всё вместе, почитай, красит её и весьма. Конечно, истинная краса в нраве её кротком, — тут и спорить нечего.

— И всё же горестно осознавать, — не унималась принцесса, — что лишь по моей вине вы погибаете вновь и вновь. Ежели оставите попытки погубить меня, вам удастся избежать смерти.

Пф-ф...

Дело ясное!

Отмечу, что барышня не просто совет дала, а ещё и гримаску доброжелательную соорудила... Бьюсь об заклад: у этой что на уме, то и на языке. Вот вам ещё причина, почему ей титул «Прекрасная принцесса» достался. Не исключено, что и главнейшая из всех.

У неё твёрдая воля, твёрдые убеждения.

И это здорово, без шуток.

Повстречав вампира, она не дрогнула.

Не хочется признавать, а всё-таки восхищает эта её... твёрдость духа! Хотя, может, лишь потому, что барышня аж четыре раза меня угробила?

Но пушай принцесса Ацерола и виновата в смертях моих, а сгубила меня моя же рука... Да, моя рука.

Это она изрубила тело на мелкие кусочки.

Вырвала сердце.

Разорвала туловище на части.

А в последний раз оторвала голову.

Хоть и рассуждаю так, а уверенности в этом нет ни капли: не помню, что каждый раз перед смертью-то случалось.

По словам принцессы, происходит одно и то же: я собираюсь нанести ей смертельный удар, и в ту же секунду жгучая вина во мне просыпается, так что вместо барышни я калечу себя.

Самобичевание, самоистязание. Самоубийство.

Проще говоря, эффект от способности «отражение атак». Да-от есть нюанс один: это скорее рефлекс, а не способность, и принцесса Ацерола, значит, не может под контроль его взять.

Да, так и есть.

Всё это творится в душе моей: порываюсь напасть на принцессу — виню себя. Коли проводить аналогию с восточными единоборствами, это всё равно что заниматься сумо в одиночку³.

Не только нелепо, но и по-настоящему глупо. Не просто улыбку вызывает, а не хуже комедии высоkokлассной смешит... Любой, кто захочет навредить небесной красоте Прекрасной принцессы, тут же покарает себя за непростительное поведение.

Барышня терзает душу мою, пробуждая во мне вину (хотя чёрт его знает, есть ли вообще у меня душа). Казалось бы, что за шутка такая дурацкая...

Но это правда. Сущая правда!

Аж четыре раза пришлось с собою покончить, и всё из-за Прекрасной принцессы... Жизнь отдать во имя Прекрасной принцессы. И пушай смерть для меня — дело привычное, но не сомневаюсь: Тропикалеск вряд ли бы смиренно глазел на то, как я по вине человека погибаю.

И это я ещё только о тех самоубийствах толкую, что припоминаю хотя бы смутно. А то рука моя могла прикончить меня не четыре, а побольше раз! Гораздо больше!

Что ни говори, а вряд ли кому по силам со мною справиться, и раз принцесса сказала, мол, моя рука прикончила, то, стало быть, моя.

Вообще, выбраться из этой передрыги несложно. Какое там, даже очень легко!

Принцесса Ацерола подсказала способ.

Поди, сработало бы.

Прислушайся я к её справедливому, бескорыстному и прекрасному совету, то первым делом пришлось бы перестать барышню убивать. Бросить попытки... Забыть — и прочь жгучая вина, никакого наказания за проступки.

Тогда я и себя убивать перестану.

Схема чертовски проста: попытаюсь убить её — помру, не буду пытаться — не помру... Принцесса, чай, за всю жизнь не поймёт, что я творю...

Но...

Не в моих силах к её совету прислушаться.

Во-первых, не выношу, когда мне указывают. Услышу совет — вопреки сделаю.

А во-вторых, вообще-то, это не попытка принцессу Ацеролу убить.

По-моему, как ни уговаривай, а невозможно прекратить делать то, что и делать-то не пытаешься.

Не убить её хотелось...

А сожрать.

Это не жажда крови, а лишь аппетит один.

— Что же, ничего иного мне не остаётся... — промолвила принцесса Ацерола, точно с участью смирилась.

Ага, как же! Чёрта с два она смирилась!

Эта девица явно внутренний стержень имеет, духом сильна, потому руки уж не опустит, а оттого всё, что наделена (а кажется, будто проклята) красотой души исключительной, так что нет, она не сдастся. Не сможет. И даже такого безнадёжного монстра, как я, принцесса не в силах бросить.

Кто-то посмеётся над ней, кто-то — нет.

Кто-то сочтёт её поступок глупым, а кто-то — красивым.

Но принцесса и правда жалела меня всей душой, хотя испытала по вине моей столько горя (пришлось странствия её прервать, похитить да узницей сделать в королевском Замке Трупов).

Её поступок, благородство...

От этого всего аппетит мой только разыгрался.

— Прошу, испейте же моей крови! — взмолилась барышня. — Ежели, конечно, это будет вам по силам.

— Ну ещё б! — стоило фразе сорваться с губ, как тело тут же рвануло к принцессе, чтоб попробовать сожрать её уж в пятый раз.

Только молиться перед едой, как на беду, не в моей привычке⁴.

Планировалось, что я застану принцессу Ацеролу врасплох, но стоило попытаться вонзить клыки в шейку её нежную, как потемнело в глазах.

Хм-м...

Кажись, и в пятый раз мне пришёл конец.

Примечания

1. Особенно примечательна регенерация у губок. Если тело губки распадётся на фрагменты, то из каждого кусочка (причём любого размера) вырастет новая губка. Также морские звёзды рода *Linckia* способны не только отращивать потерянные лучи, но и полностью восстанавливаться из одного луча.

2. Здесь рассказчик употребляет глагол «*табэру*» (есть, принимать пищу), у которого также имеется переносное значение — жить, существовать (за счёт кого-чего-л.).

3. Также выражение «*хиторидзумо*» имеет образное значение: бессмысленное противостояние, бесцельная трата сил.

4. Здесь рассказчик говорит о себе, используя архаичное местоимение «*котитора*». Оно присуще речи, например, воинов или придворной знати и выражает психологическую дистанцию между говорящим и собеседником.

Кажись, мне снова умереть пришлось.

И в этот раз, чуется, с голодухи. Вот какая мысль мелькнула, покамест сознание медленно прояснялось и нехотя угадывало, что я на троне восседаю.

Голодная смерть. Хм-м, случай из ряда вон...

Нынче-то еды в достатке.

Ужель осточертело мне питание регулярное да захотелось годы голодные вспомнить? Какого чёрта я творю?

— Вы пришли в себя, мастер?

Стоило повернуть голову — и вот он, Тропикалеск, обладатель резкого пронизывающего ледяного голоса с ноткой почтения. Преклонил колени перед троном.

Поди и стоял так, склонив голову, пока тело моё дохло да высыхало с голодухи... Ну что ж, ценю за преданность.

Боюсь, брось его так — и с места не сойдёт... Это меня позабавило; как помнится, шалости я вообще люблю, но, если оставить Тропикалеска у ног, с трона уж не встать. Вот и пришлось приказать ему:

— Яви мне свой лик.

Тело Тропикалеска пробила крупная дрожь (точно он ничтожество какое и смелости у него нет в глаза мне поглядеть), однако он успокоился вскоре и голову всё-таки поднял. Одного взгляда на него хватило, чтоб вспомнить: «А-а, точно-точно, до чего изящные черты у моего первого слуги!»

Если я, умирая и пробуждаясь, буду всякий раз красотой его наслаждаться, точно впервые вижу, то, чего уж там, ладно, смерть не так уж плоха.

Смерть для вампиров как особый дар.

И не о чем тут тревожиться.

Не ошибусь, коли скажу, что на лице вечно тревожащегося обо мне Тропикалеска (глядите, сколько преданности в глазах!) облегчение изрядное проступило.

Тропикалеск Хоумэвэйв Догстрингс.

Пушай он первым слугой считается, на деле ж он мой единственный слуга. Когда-то их было немало, но в итоге лишь он и остался.

Служил верой и правдой, вот и дослужился до номера один.

Все прочие номера свободны.

Однако ж мне ничуть не одиноко, нет. Не знаю, как раньше, но сейчас, когда сила и способности мои к регенерации развиты максимально, необходимость в слугах попросту отпала. А что касается Тропикалеска, то мордашка у него красивая уж очень, вот и позволяю пока рядышком крутиться.

Всё равно ведь не мешает.

Ну, вообще, дело-то не в одной мордашке приятной. Этот парень так усерден, что сам весь Замок Трупов содержит. Чего греха таить: лишь благодаря ему я и живу припеваючи.

Трудолюбие у Тропикалеска было всегда, а вот что до приятной мордашки — это не совсем результат его усилий. Проще говоря, моя заслуга.

Когда-то он был человеком, а потом, опосля укуса моего, в вампира обратился. Как известно, в ходе превращения тело человека совершенствуется да форму принимает наилучшую, что естественно вполне. Природные данные важны, спорить не буду, как и присваивать себе все заслуги, мол, красотой Тропикалеск чисто мне обязан. Только не сомневайтесь: глаза да кудри золотые он от меня унаследовал.

— Мастер... Ежели Вашей светлости не хватает питания, дабы восстановить силы, ничтожный Ваш слуга полагает, что разумнее всего употребить меня в пищу¹, — посоветовал Тропикалеск.

Да уж, из него преданность так и прёт. Он сам ходячая преданность.

Вообще, такая жертвенность вполне в духе раба, однако вампир этот склада иного совсем: он протянул так долго да выжившим единственным из всех моих слуг остался благодаря той самой незаурядной верности.

Необычный вампир.

Куда более необычный, чем смерть от голода.

Необычный, но неинтересный.

До редкого вида не дотягивает.

Мне больше по нраву слуги, способные сопротивляться воле владыки... Впрочем, только выкажи неповиновение — сразу в желудок ко мне угодишь. Так и исчезли все рабы, один за другим.

Тропикалеск, кажись, прямо-таки жаждет, чтоб его слопали, вот и держу его в качестве неприкосновенного запаса на случай, когда дела совсем плохи станут.

И, кажись, время пришло, пора за неприкосновенный запас взяться... Что ж приключилось-то?

Нет у меня привычки запоминать, что там меня прикончило. Обычно об этом докладывает Тропикалеск. Его отчёты никак нельзя назвать «повседневными», зато «посмертными» — вполне.

Поди, смахивает на формальность какую-то опосля воскрешения, да?

— Вашему ничтожнейшему из ничтожнейших рабов нет оправданий, мастер! — начал причитать Тропикалеск. — Я несколько затянул с установлением причины... Но теперь Ваш наипокорнейший слуга уверен как никогда: Вашей светлости следует поглотить меня!

Глянь-ка, при каждом удобном случае скормить себя пытается!

Тело-то моё воскресло недавно, так что голода особо и не было.

— Мастер, на сей раз Вы скончались по причине нехватки пищи... Ваш ничтожнейший раб слишком поздно заметил проблему. Сие серьёзнейшее упущение с моей стороны. Судя по всему, все подданные королевства вымерли.

— Подданные королевства... вымерли?

А мне уж думалось, ничто на белом свете удивить меня не может, но это...

О чём Тропикалеск толкует? Сначала до меня просто не доходило, как такое возможно вообще, но потом слова его пробудили кой-какие воспоминания смутные... Помню голод, из-за чего за пищей пришлось отправиться... И помню удивление своё: ни одного человека не попало, хоть ты тресни!

Еда исчезла.

Помню голод и жажду... как тело моё иссохло.

— ...Случилась война какая-то, а мы и не заметили?

— Нет, дело обстоит несколько иначе, — Тропикалеск с видимым сожалением опроверг мою теорию.

Кажись, ему аж больно возражать мне. Не буду лишний раз поминать его запредельную преданность, но правда, чего это я...

После смерти тело моё ещё восстанавливалось и в голове всё точно туманом заволочло, а всё ж не стоило выдавать такую непростительную глупость! Людишки-то вечно друг с другом воюют, дело-то обычное. Однако если королевство какое войну проиграло, а жителей перебили, то им на смену хлынуть должна орава с земель государства-победителя.

Короче, по какой-то причине население вымерло, и теперь вампирам и съесть-то некого... Неужто чума?

Потому провизия моя вся и вышла?

— Позвольте сказать, что чума, да, — согласился Тропикалеск тихим голосом, точно сама возможность подтвердить слова мои превеликую радость ему доставляла и бедняга отчаянно старался при себе её держать. — Однако имя той чуме — красота.

— А-а?

— Мастер, приходилось ли Вам слышать сказку о Прекрасной принцессе?

Примечания

1. Тропикалеск говорит о себе с помощью ещё одного архаичного местоимения — «*ватасимэ*». Его использовала прислуга во время общения с хозяином, добавляя самоуничижительности в свою речь.

Выраженьице одно на ум приходит: «красота, что угнетает народы и страны», но если переосмыслить его, да так, чтоб подходило Прекрасной принцессе из рассказа Тропикалеска, то получится «красота, что уничтожает народы и страны»¹.

Принцесса, красота которой сгубила целую страну.

Принцесса-погибель народов.

Забавная сказка.

В смысле, забавно было наблюдать за Тропикалеском, пока он чушь эту нёс с миной серьёзной. Ладно, пускай это нелепо, только интерес всё равно разыгрался, признаю.

Точнее, аппетит.

Аж невтерпёж, аж сидишь и облизываешься!

— М-м, то бишь ты толкуешь... что некая принцесса, погубив страну свою, двинулась в края чужие да, поскитавшись прилично, в нашем королевстве очутилась, — вот все и вымерли, так?

— Да, — с выражением полной покорности на лице согласился Тропикалеск. Такой покорный, что смех берёт! — Ваша светлость, ежели позволите предположить, то, по всей видимости, подданные королевства, включая членов королевской фамилии, а также вся знать и высшие сановники с радостью отдали свои жизни Прекрасной принцессе. Дабы воздать ей за красоту, они наперебой расставались с самым дорогим, что у них было.

— Да что за чудовище принцесса твоя, коли одним присутствием своим государство целое переморила? — хотелось пошутить мне, да Тропикалеск этого не уловил и тут же возразил с видом куда более серьёзным:

— Она не чудовище, а человек.

...Эй, когда мастер шутит, смеяться надо!

А раз не можешь, останешься навеки вечные неприкосновенным запасом!

— Человек женского пола, — продолжал Тропикалеск. — Вероятно, на своём пути она успела погубить множество государств. Пока странствовала по их землям, пересекая границы.

— И правда чума.

Чума небывалого размаха².

Вампиров также частенько с мором равняют, однако принцесса, видать, не просто похожа на заразу, а она самая и есть, причём смерть от хвори этой повальная! Погоня людей за красотой, считай, тоже своего рода чума.

И, как чума, поди, такая же неизлечимая.

А сколько тех, кто мечтал за мой счёт отхватить безупречную наружность? Несть числа! И многие из них долго и попусту умоляли Мою светлость, но, как правило, заканчивали у меня в желудке. Проглатывались целиком.

Как бы то ни было, погоня за красотой тела точно так же, как и жажда никогда не стареть и не умирать, чай, заложена в природу людскую³. А может, и фатум их даже.

— Всё! Решено, Тропикалеск! В честь воскрешения я полакомлюсь той принцессой! Наверняка она хороша на вкус! А после мириадом дней голода и подавно!

— А... М-мастер, но Вы же... — впервые за всё время Тропикалеск пошевелился, а потом и вовсе на ноги вскочил.

Видеть панику мужчины, не привыкшего паниковать, — по-своему приятно.

Да так, что аж сжалиться над ним захотелось и отъесть хотя бы руку... Нет, сперва полакомлюсь той Прекрасной принцессой.

От мысли этой навязчивой и не избавиться теперь.

— На желудок голодный лучше всего лакомиться чем-то особенным, Тропикалеск. Всё равно что опосля поста разговеться. Не время сдерживаться в еде и питье! Однако ж к первому завтраку подходить надобно особо. И не важно, что для вампира завтрак-то с приходом ночи начинается...

И как тут не подпустить шпильку в адрес Тропикалеска? Он-то раньше был сыном рода людского. А всё равно этот сноб не улыбнулся (или шутка мимо него прошла).

— Умоляю, не сочтите слова Вашего ничтожнейшего раба за грубость, мастер, но позвольте дать Вам совет: бросьте эту затею... — предостерёг он меня. В голосе его чувствовались почтение и неловкость. Слуга аж пал ниц передо мной: — Прошу, Ваша светлость! Пересмотрите решение! Умоляю, умоляю!

— Какая муха тебя укусила, Тропикалеск? Хочешь, чтоб тело моё опять с голодухи издохло? Ты гляди, могу ж не возродиться! И вообще, королевство-то вымерло, выбора нет!

Я вампир, потому-от людишками и питаюсь. Не станет людей, и вампиров не станет. Причём важно даже не то, что род людской для нас чуть ли не единственный источник пищи, а то, что демоны и злые духи существовать не могут, если человек перестанет их бояться и в нечистую силу верить. Так и страна не может существовать без народа.

Я восседаю на троне и господствую в этих землях лишь потому, что какие-то людишки от страха трясутся (а может, даже поклоняются) пред демоном, который и жрёт их сородичей.

— Н-но, как Ваш ничтожный слуга уже осмелился поведать Вам, Прекрасная принцесса гораздо страшнее обычного монстра...

— Тропикалеск, слуга мой, скажи-ка, ужель ты решил, что краса девы той пленит меня? Очарует, и я, точно людишки жалкие, поспешу себя прикончить во имя неё?

— О!.. Об этом и речи быть не может! — ответил Тропикалеск и распластался у ног моих.

Когда колени преклоняет — ещё куда ни шло, однако он совсем стыд потерял, аж отчитать хочется! И не важно, что он слуга мой и, по сути, должен предо мной пресмыкаться. Боюсь, начну смущать ещё пуще — совсем впитается в пол.

Даже я, владыка, не в силах такое терпеть!

Немыслимо!

Хотя погодите-ка... даже рабы себя так не ведут! Тропикалеск разлёгся у ног моих с видом, будто собрался отдохнуть часок-другой.

— В та... В таком случае, как Ваша светлость посмотрит на то, чтобы отведать близлежащих трупов, дабы Вы, мастер, сумели восстановить свои силы? Ваш ничтожный слуга справлялся с бедой именно так, — выдал он, не меняя позы.

На минуту даже померещилось, будто Тропикалеск чуть ли не напрямую подбивает меня отказаться от идеи полакомиться чем-то особенным на голодный желудок (что? «Близлежащие трупы»?..). Нет, вряд ли, всего лишь отчаянная попытка предложить что-то взамен.

А он находчивый... неплохая черта.

Надёжный и верный слуга.

Правда, на компромисс я не пойду. Не сумею.

Дело-то иное!

Вопрос пропитания!

А привычки в еде так просто не меняют — ни вампиры, ни люди.

— Слушай меня, Тропикалеск! Ты питаться можешь как угодно, свою философию я тебе не навязываю. Ни ныне, ни впредь. Так что оставь-ка попытки осуждать мои привычки.

«Ешь мертвецов и дальше, лопай трупы, сколько влезет. Если тебя это устраивает, то меня — нет», — услышал слуга вдогонку.

— Я ем только тех людей, кого убиваю.

Примечания

1. Выражение «*кэйкоку [но] бидзин*» является синонимом идиомы «*кэйсэй-кэйкоку*», которая проистекает из китайской поэмы «Песнь о красе». Её написал придворный музыкант Ли Яньнянь где-то в конце II начале I вв. до н. э. в честь своей сестры, Ли-фужэнь, чтобы сосватать её императору У-ди. Поэма воспевает красоту госпожи Ли: «В землях северных живёт красавица, но холодна она и недоступна. / Как засмотришься на неё, так пропадёшь, а оторвёшься, и обнаружишь, / Что замок твой давно разрушен, а империя погибла. / Но даже те, кто узнал, что красота её уничтожает города и страны, / Не могут удержаться и не взглянуть ещё разок». Когда У-ди услышал поэму, он усомнился: «Да разве может жить на свете такая красавица?» И тогда Ли Яньнянь сказал, что сочинил эту «Песнь» о своей младшей сестре. У-ди захотел своими глазами увидеть её, а после встречи взял в свои наложницы. «*Кэйкоку [но] бидзин*» используют, когда говорят о женщине несравненной красоты. Якобы она настолько красива, что может свести с ума государя, тот перестанет управлять державой, после чего страну ждёт неминуемая гибель.
2. Рассказчик использует выражение «*сукобуру-цуки*». Если женщине хотят сделать комплимент касательно её внешности, то его используют, чтобы подчеркнуть её необыкновенную красоту.
3. Рассказчик делает отсылку к 5 главе древней китайской книги «Ле-цзы» под названием «Вопросы Тана»; в ней рассказывается об искомом людьми мифическом месте, где «...цветы и плоды источают дивный аромат, и те, кто вкусят их, никогда не состарятся и не умрут» (пер. В. В. Малявина).

Я ем тех, кого убиваю.

Таков мой принцип...

Которому я следую как вампир и как *gourmet*¹.

И которым не поступлюсь ни за что.

Особо это людишек касается, но применимо и к другим представителям фауны. Вернее, не убью руками своими — не притронусь даже. Ну, насколько это возможно вообще.

Мне даже воду пить тяжело.

Следовать принципам, конечно, непросто, к тому ж по вкусу мне лишь то, что в венах да артериях живых существ течёт. Как любит поговаривать мой покорнейший слуга Тропикалеск: «Никогда доселе прежде не доводилось слышать, дабы некто питался столь единообразно». Мои собратья-вампиры вообще меня в стан еретиков записали, а ведь, по идее, должны были быть на моей стороне.

Притом умники всякие предостерегали, мол, с такой щепетильностью долго не протянешь... Однако никто из моих злопыхателей-собратьев не протянул столько же, сколько я.

Пришлось проучить их, показать, что бывает с теми, кто советы непрошенные даёт. Дело ясное: все злопыхатели конец свой встретили у меня в желудке.

Я ем тех, кого убиваю. И если кого убиваю, то я его ем.

Каким бы мерзким ни был вкус, пущай хоть отравы, а не еда, я всё-таки съем её опосля того, как убью. Проглочу всё до последней косточки. Таково моё правило, изменять ему нельзя.

Вот почему не попробовать мне мясо очарованных подданных, что прикончили себя во имя Прекрасной принцессы. Будь даже у плоти их самый изысканный вкус на земле — нет!

Я не буду их есть...

Раз убиты не мной.

Вообще, даже как-то не хочется упрекать Тропикалеска, который выживания ради поедал трупы, моего воскрешения ожидаючи. Да, он мой раб, но питаться одинаково мы не обязаны.

Пущай ест что хочет и как хочет.

Как по мне, в этом и заключается секрет долголетия вампиров.

По сути, питаться именно так и надобно.

Ну а мой желудок уж предвкушает Прекрасную принцессу — её и съем... Съем красавицу, что страны разоряет. Вестимо, после того как убью.

Ешь тех, кого хочешь. Ешь тех, кого убиваешь.

Точка.

Короче, Моя светлость совершит то, что задумано, и так, как это было задумано.

С другой стороны, такую опасную женщину в любой момент прикончить могут — лучше поспешить и убить её раньше всех.

А то без еды останусь.

Стало быть, пора с трона-то подняться да направиться к воротам замка (а раз Тропикалеск всё ещё лежит на пути моём, то напрямик по его спине)...

— Не вздумай красться по пятам, слуга! И молчи, не говори, где она. Я отправляюсь на охоту, так что трапеза моя уж началась, — услышал мой приказ Тропикалеск; слуга, кажись, пришёл в крайний восторг от роли коврика для ног.

Я ем в одиночестве.

Ещё одно моё правило.

Хотя нет, трапезничаю в обществе: только я и моя еда.

На деле правило не такое строгое, можно не соблюдать.

Скорее, оно для удобства придумано, когда одиночества желаю.

— Слушаюсь! Ваш покорнейший слуга будет ждать Вашего возвращения! Прошу, будьте осторожны! Удачной охоты, мастер! — попрощался мне вслед Тропикалеск, на что в ответ услышал:

— А-а... Кстати, ты это звание заурядное оставь. Что ещё за «мастер»? Поздно приметилось — это, конечно, жаль, — только не припомню, чтоб велено тебе было величать меня так банально!

— П-прошу прощения! — за спиной раздался странный звук; видать, Тропикалеск там в пол впечатался. Какое-то время он молчал, будто медлил. Боялся исправить ошибку, что ль? Но вскоре очухался и попрощался со мной вдогонку как следует, на этот раз уж надлежащее имя используя: — Удачной охоты, Суицидмастер! Смертеготовый, неизбежносмертный, неотвратимосмертный вампир, Дэстопия Виртуозо Суицидмастер!

— Вот так-то лучше.

Как же приятно имя своё услышать!

Дэстопия Виртуозо Суицидмастер... Оно до того крутое и стильное, что, кроме меня, и не подойдёт никому!

Примечания

1. Гурман (*франц.*)

Замок, в котором я живу, прозван Заком Трупов, вообще-то, не по моей милости.

Такое, почитай, даже для меня слишком.

А всё-таки не скажу, что я тут ни при чём совсем... История замка и названия его корнями уходит во времена стародавние, когда королевством этим тиран правил.

Он погубил великое множество людей и внутри страны, и за её пределами, потому-то Королём Трупов прозвали его, а замок, где он жил, — Заком Трупов.

Зная о жуткой истории этого замка, монарх, что на смену тирану пришёл, в месте другом новый королевский замок возвёл да переселился туда с семьёй и придворными. Правда, вот что странно: каким это чудом страна по швам не разошлась: налоги-то задрали не дай боже? И все ради того, чтоб монаршая семья переехала. В общем, замок с историей мрачной опустел, вот и поселился в нём кое-кто. Точнее, я.

Хотя правильнее сказать будет, что в опустевшем Заке Трупов *завелось* чудовище. Люди, убившие Короля Трупов, обидой и ненавистью своей к тирану породили одного маленького вампирчика.

И так из мрачной истории заброшенного замка...

Родилась мрачная легенда.

Если допустить, что появление на свет существа столь ужасного связано с масштабами ужаса, который король тот глупый учинил, зверски убив несметное число людей, тогда ясно, что наделило меня огромной силой. Эта версия очень уж мне по нраву.

Понятия не имею, так ли оно на самом деле.

Никому не дано назвать причину, по которой он пришёл в этот мир, верно?

Знаю лишь одно: когда-то давно и вправду жил человек, прозванный Королём Трупов, и обитал он в замке, названном Заком Трупов... Вот только сейчас снаружи замка открывался такой вид, какой, поди, и самому Королю Трупов не довелось при жизни видеть.

Трупы, трупы, трупы.

В общем, снаружи были горы мертвецов.

Весь народ королевства вымер.

Смерть неистовствовала над землёй, покамест никого не осталось.

Тропикалеск, конечно, докладывал, какое зрелище снаружи открывается, но пейзаж превысил мои ожидания многократно! Великолепно! Трупов так много, что ступить негде! И раз на своих двоих передвигаться уж нельзя, то крылья пришлось расправить да в небеса взмыть.

С высоты птичьего полёта вид открывался ещё более прекрасный.

И слов не хватит, чтоб красоту его описать.

Много воды утекло с тех пор, как Король Трупов на троне восседал, и эпоху правления преемника его можно было тихой да мирной назвать (конечно, за вычетом того, что в его владениях жило чудовище), однако в один день пасторальная картинка в ад превратилась.

Теперь здесь не только гробовая тишина стояла, но и высились горы угробленных людей.

Трупы друг на друге громоздились, создавая холмы и кучи. Этак, кажись, и карту королевства перерисовывать придётся... Странно желать, чтоб сказка стала былью, вот и не хотелось ждать многого, хотя Тропикалеск, в докладе своём, на мелочи не поспешил. Тогда мне подумалось, что он просто преувеличил масштаб трагедии, но... Возможно, в той сказке о Прекрасной принцессе доля правды всё-таки есть. Например, та часть про горы трупов, переросших замок, правдива вполне. К слову, в случае барышни той замок трупов уже не просто выражение.

И это заставляет сердце моё биться чаще.

Нелегко будет принцессу простить: ей ничего не стоило погубить все запасы людишек, которые в будущем могли бы едой моей стать (потому-то тело моё и издохло с голодухи, и всё по вине барышни этой, хотя тут мы с Тропикалеском сами не уследили, так что, поди, хорошо бы пропустить этот момент). Ну, раз принцесса так убийственно красива, то наемся ей до отвала уж точно.

В еде главное не количество¹.

Как бы то ни было, королевство (то самое, которым когда-то правил Король Трупов, а ныне обезлюдевшее из-за Прекрасной принцессы) всегда славилось землями обширными, горами да реками. Можно сколько угодно бахвалиться, мол, моя «трапеза началась вместе с охотой», только замучаешься на территории такой огромной одного человечка искать. Не мудрено голову сломать. А на глаза мне, к слову, то и дело попадались проломленные головы да хрустящие шейные позвонки.

И вот парю я высоко в небесах, гляжу вниз на землю и, представьте, вполне ясно вижу, куда путь держать надобно. А всё благодаря трупам подданных! Кстати, можно ли назвать нечто подобное воздушной навигацией? Ладно, в общем, если отправиться туда, где горы трупов побольше...

Если рвануть туда, где аромат смерти всё крепче и крепче, там и найдётся Прекрасная принцесса. Трупный запах указывал путь полнее любых следов.

А мертвецов всё больше и больше...

Раньше про меня говорили: «После этого вампира даже трава не растёт». А вот принцесса одарена такой красотой, что и не сравнить с силами моими, никакими посредственными фразочками не описать. Я в предвкушении.

Всё-таки красота — важная составляющая вкуса.

Даже сами люди, перед тем как съесть зверя иль рыбу, придирчиво изучают вид их внешний, али нет? Размер, форму, блеск чешуи, толщину мякоти.

Свежесть тоже вроде как важна, да?

Интересно, что за насыщенный вкус ждёт меня, когда кусну красавицу, чья красота погубила целую страну? Нет, какое там, множество стран! Увидишь такое — и хочешь не хочешь, а большие надежды заимеешь.

Итак, вот гляжу я с небес на землю, вот следую ориентирам (читай, выбираю маршрут среди гор трупов), а вот место передо мной, чудовищно далёкое от любого представления о прекрасном, — какая-то лачуга ветхая.

Неприметная, укрытая в сени горы мертвецов, вернее, погребённая в самой куче. Легко проглядеть — чуть ли так и не вышло. Принцесса-странница, видать, остановилась в хибарке этой на ночлег... Ужель? На её месте мне было бы аж брезгливо от дождя там укрыться! Да этот убогий домишко от одного дуновения развалится!

Не дом, а развалюха!

Со стороны казалось, что смерч прошёлся по земле, подхватил брёвна и те случайным образом сложились в некое подобие дома, — охотно верю, так всё и было. Только-от в лачуге этой явно кто-то жил.

Не собираюсь опускаться до каких-то штучек оккультных и утверждать, что раз я вампир, то слышу голоса своих жертв. Не, ничего подобного! Просто хорошая интуиция.

Инстинкт... Да нет, лучше скажу без прикрас: нешуточный аппетит.

И вот, размышляя над тем, как буду разделывать принцессу (если она вообще в той хибарке) и не начать ли мне с рёбрышек, приземляюсь, значит, к этой самой лачуге, тихонько отворяю дверь (точнее, убираю доски вместо двери)...

Вампир, кстати, вроде как не может войти в жилище без разрешения... только это правило не для меня. Можно не следовать тому, с чем согласишься не имеешь.

По-моему, в случае этой лачуги и проситься бессмысленно.

Она и так вот-вот рухнет, так что это людям сюда заказано, а не вампирам, разве нет?

Поначалу в голову сомнения закрались: «А вообще найду я здесь свою еду? Не подвела ли интуиция?» — однако на деле переворачивать всё вверх дном не пришлось: моя добыча попала на глаза почти сразу.

На сырой земле...

Около каменной печки, где над огнём в котелке медленно закипало что-то...

Стояла принцесса в простецком передничке и готовила себе еду. Надо сказать, в таком виде она совсем не походила на принцессу, но...

У меня точно не хватит слов, чтоб описать, до чего красив был её профиль тогда. Даже родной язык забылся...

Зато другому языку уж не терпелось вкус принцессы ощутить.

Примечания

1. Одним из радикалов в иероглифе «продовольствие» (糧) является «количество» (量). Но, несмотря на то, что эти два слова так связаны, рассказчик эту связь отрицает.

Кажись, мне снова умереть пришлось.

Стоило глаза открыть — и тут же взгляд упал на принцессу.

Её лицо оказалось прямо напротив. Надо мной.

Вот как это было: лежу я, значит, на земляном полу, а голова моя (подумать только!) на коленях у барышни этой... Чья красота уничтожает народы и страны.

Волосы её золотистые такие же прекрасные, как мои. Нет, всё-таки более блестящие, чем мои, — тут не поспоришь.

Правый глаз цвета серебра, левый — бронзы.

Гляжу ей в лицо (ну, то есть снизу вверх) и понимаю вдруг, что она краше прежнего стала. И дело не только в изящных чертах (чего уж, и так вне конкуренции!), но и... в храбрости, с какой барышня уложила голову мою к себе на колени... Красивый поступок! Невероятно красивый.

Ведь ещё с минуту назад перед ней был мертвец... Сильная натура, а как иначе? Коли труп незнакомца у себя на коленях устроить смогла.

— Как вы себя чувствуете? — её голос показался мне невероятно нежным.

Мой таким ни разу не бывал.

— ...

Что ни говори, а привычки разлёживаться на коленях красавиц у меня отродясь не бывало. И вот поднимаюсь я резко, сажусь, чешу в затылке, пытаюсь обмозговать сумбурные после возрождения мыслишки, да у принцессы, значит, спрашиваю:

— И как долго я мертвец?

Всё как в тумане.

Нужно было спросить у неё не это, а что именно меня погубило. Опять голод? Не, вряд ли, не похоже. Какое-то странное ощущение бродило по телу, будто его порубили на куски мелкие, а потом собрали заново.

Что со мной сделали и кто?

Не хрупкая же принцесса...

— Вы были мертвы совсем не долго. Погибли от своей же руки, — Прекрасная принцесса как-то уловила суть вопроса и даже на то ответила, что и не прозвучало вовсе.

Не соображу никак...

От своей руки?

— Вы покончили с собой. После того как попытались убить меня.

Ни черта не понимаю!

Что она такое молвит?

Взглянув в моё крайне озадаченное лицо, Прекрасная принцесса продолжила:

— Вы почему-то попытались убить меня... Что же, полагаю, у вас была некая причина, но прошу, откажитесь от этой мысли. Не тратьте понапрасну свою жизнь, раз она дарована вам снова!

О чём она? Говорит какими-то загадками, только вот что странно: при этом очевидно, что не врёт ни капельки.

Коли барышня настаивает, что именно моя рука прикончила меня, значит, так оно и было... Не помню точно, что случилось накануне, но у меня, видать, созрело твёрдое решение, что Прекрасная принцесса станет моей трапезой, ну и... сказано — сделано. Вперёд, на охоту!

Ради самообеспечения.

Я ем тех, кого убиваю.

Не бывает так, чтоб воскрес — и вот он, голод. Получается, меня вела типичная жадность. Моя жажда крови всегда сильна. Однако в этот раз всю меру моей силы испытала не принцесса, а моё же тело.

На мелкие кусочки...

Значит, всё-таки моя рука порубила меня в фарш?

— Ка-ка! — из моей груди вырвался смешок. Интересно, сколько лет минуло с тех пор, как мне приходилось смеяться так громко? — То бишь что выходит... Мне не удалось не только навредить красоте твоей, но и простить себя за акт нападения, а потому все кончилось попыткой самоубийства?

— Истинно так, — принцесса небрежно кивнула, на ноги поднялась, а затем подошла к печке.

Как будто следить за котелком на огне важнее гораздо, чем со мной рядышком посидеть!

— Эй! Я, вишь ли, чудовище.

— Похоже на то.

— Вампир.

— Да? Значит, они и вправду существуют...

— Монстр, который убивает и ест людей.

— Выходит, вы пытались съесть меня?.. Прошу прощения, что не могу вам ничем услужить.

— ...

— Что с вами?

— Да так...

— Ежели вы проголодались, не составите ли мне компанию? *Pot-au-feu*¹ как раз уже готов, — сказала принцесса, сняла котелок с печки и в комнату его понесла.

— Я ем только ту живность, что убиваю своими руками.

Глянь-ка! Объясняю принципы свои еде, которая сама же пригласила меня отобедать! Тут волей-неволей в голову закрадётся мысль, что в такой-то ситуации неуместно бахвалиться, особенно перед пищей ходячей, которую и убить-то не удалось.

Не надо было выставлять себя в плохом свете — большой грех, на мой взгляд... Конечно, не такой большой, чтоб карать себя самоубийством.

Ладно, вряд ли она пытается искупить вину (да и как вообще можно искупить вину за уничтожение народов и стран?), так что ничего не остаётся, кроме как пойти за принцессой в комнату.

Разделю с ней трапезу (хотя есть ничего не буду).

Заметив, что я иду следом, принцесса спросила:

— Могу ли узнать, как вас зовут?

Многие вампиры уверены, что людишкам каким-то даже и представляться нет нужды, но я иной случай: имя-то своё люблю.

Гордое имя.

Не буду гордиться им — значит, я его не стою.

— Я смертеготовый, неизбежносмертный, неотвратимосмертный вампир, Дэстопия Виртуозо Суицидмастер.

— Суицидмастер-с?

— Без словоерсов. Моё имя само по себе почётно. Просто Суицидмастер, без лишней почтительности.

— Как изволите, — ответила принцесса и, поставив котелок на нечто деревянное (кажись, стол), что стояло в каком-то закутке (кажись, столовой), назвала себя: — Меня зовут Ацерола.

Придерживая юбку, принцесса изящно сделала реверанс. В её движениях было столько грации, что любой бы забылся от восторга (а вампир я весьма неотёсанный), но... Что? Ацерола?

— А разве тебя не Прекрасной принцессой зовут?

— Так меня называли в отрочестве. Не уважительный, а уничижительный титул. Более не осталось никого, кто зовёт меня сим именем.

Не осталось никого.

В смысле, все они отдали жизнь во имя Прекрасной принцессы?.. Видимо, информация Тропикалеска устарела маленько.

М-м, Ацерола.

Вкусное имя.

— Ацерола — это твоё имя или фамилия?

— Ни то, ни другое. Я более не имею права называться именем своего рода... Так что теперь меня и Лорой не назвать, а ведь это имя дал мне при рождении отец.

— ...

Согласно той сказке, вроде бы первой пострадала семья принцессы, не выдержав красы дочери.

Понятия не имею, сколько правды в истории этой, только радует очень, что можно и без вычурного обращения обойтись, а то ещё Прекрасная принцесса!

— Раз так, буду звать принцессой Ацеролой.

— Как вам будет угодно... Впрочем, я никогда не была настоящей принцессой.

«Как же это приключилось со мной?» — добавила она со скорбным видом, медленно склонив голову на бок.

Она держала себя без всякой наигранности, просто, отчего мой аппетит разыгрался не на шутку, и я непроизвольно своими когтями...

Примечания

1. Потофё (*франц.*) — горячее блюдо традиционной французской кухни.

Кажись, мне снова умереть пришлось.

Вот уж сколько на свете живу, а впервые со мной такая оказия, чтоб умереть аж два раза подряд по вине одного и того же противника да ещё и в чертовски короткий срок (н-да, давненько не приходилось так из кожи вон лезть, чтоб брюхо набить)... А что до убийств, то тело моё, видать, умирало по моей же воле. Принцесса Ацерола тут ни при чём.

Чуется, в этот раз рука моя правая сердце вырвала из груди... Ту-дум-ту-дум — так оно в кулаке пульсировало. Первое, что почувствовалось по возрождении.

В груди, поди уж, новое.

Хм...

Сердце моё, зажатое в моём же кулаке, ясное дело, не вызвало каких-то чувств особых. Почти привычка.

Мои клыки вошли в трепещущий орган. Кусь — точно человек — яблоко. «Если кого-то убиваю, то я его ем» — железное правило.

Съесть тело своё, в фарш порубленное, не вышло, однако правило есть правило — его должно исполнять даже в случае, если я убиваю себя.

Чавк-чавк.

О, какое сочное!

Оно и понятно, это ж *моё* сердце.

Свежачок... хоть уже и мёртвый.

— Вы бессмертны? Ах, это воистину поразительно, Суицидмастер! — промолвила принцесса Ацерола, кушая собственноручно приготовленный *pot-au-feu* (чай, восхищалась она искренне).

Но вот забота, какую барышня проявила, положив чуть раньше голову мою к себе на колени, уж испарилась куда-то, видать, потому, что дева вампира во мне углядела. Аж грустно стало слегка (а если грустно, не значит ли это, что меня красота её пленила?).

— Почту за честь похвалу твою принять, принцесса Ацерола... Стало быть, попытка очередная провалена, съесть тебя не удалось и моя же рука отомстила за тебя.

— Да, истинно так. Только прошу вас, не волнуйтесь, Суицидмастер. Всему виной моя исключительная красота.

В её словах не было ни капли заносчивости, скорее, принцесса Ацерола искренне винила себя за то, что уж дважды сгубила меня неволью.

Но ей на за что себя винить.

Тут кто угодно, а не только жители окрестных земель, захочет отдать сердце той, чья душа так чиста и прекрасна. Но если об осторожности забуду да заставлю принцессу почувствовать вину, то всё закончится очередным моим суицидом.

Интересно, часто ли ей доводилось видеть людей...

Которые сердце из груди своей вырывали?

— Боюсь, я и этой стране причинила большие неприятности.

Это ещё слабо сказано.

Ты её погубила, весь народ вымер, а следом за ним умер от голода и вампир.

Красота, что уничтожает народы и страны.

— Не хочу показаться невежливой, но вскоре я отправлюсь в путь. По-видимому, нужный мне человек живёт не в этой стране.

— ?

Нужный ей человек?

Вряд ли она источник пищи ищет, просто хочет найти кого-то.

А-а, кстати, что-то такое было в той истории, да?

Она скитается в поисках жизни, которую сможет спасти... Да-да, это было в сказке о Прекрасной принцессе.

Так, стоп... Отправится в путь?

Погоди-ка!

Эту грубость я ей не прощу!

— Чистой воды эгоизм! — вырвалось у меня. Прозвучало искренне, потому что, ну, это возмутительно — принцесса собралась в какую-то новую страну! Ссориться, однако ж, не хотелось, но и добродетель из себя корчить — последнее дело для вампира. — Много ли тебе ещё людей угробить надо, чтоб найти того, кого спасти сможешь? Много ли ещё стран ты с лица земли сотрёшь, чтоб себя одну спасти?

— Вы предлагаете мне умереть? — принцесса Ацерола, поди-ка, должна была чутка вскипеть, только фразу эту она проговорила совершенно спокойным тоном. Просто не дала ссоре разгореться.

Да я и не предлагаю ей руки на себя накладывать.

Не надо забывать: я ем только то, что убиваю самостоятельно.

— Ежели бы я умерла... Ежели бы покончила со своей жизнью, то, пожалуй, обрела бы покой. Но вдруг когда-нибудь с кем-нибудь приключится подобная беда? Даже ежели человеку придётся точно так же, как и мне, покончить с собой, это вовсе не значит, что он тоже обретёт спасение.

— ...

Своими объяснениями она запутала меня пуще прежнего. Короче, принцесса считает смерть бегством от проблемы: нельзя накладывать на себя руки, даже если жизнь тяжела и жестока?

Ха, какой праведный человек!

Между тем праведность её слишком прекрасна и в яд обращается для всех тех, кто духом слаб. Кажись, именно эта сила уничтожила все эти народы и страны.

Смерть от яда.

Смерть от ядовитой красоты.

Ведьмино проклятье.

Хотя принцесса уж сама как ведьма, способная на любого страх нагнать (да гляньте только, что она натворить успела!)... Что ж, к чему бы барышня ни стремилась, какую бы жизнь ни вела, это её осознанный выбор, и меня никак не касается.

Но это я сказать ей, увы, не могу.

Человек она или вампир — не суть важно. Не в моих принципах впихивать другим свою систему ценностей (так что принцесса обошлась тем, что пихала ложки супа себе в рот), но её цель и образ жизни, на ней основанный, вредят лично мне.

Однако вредят не в том смысле, что я убиваю себя каждый раз, когда сожрать принцессу Ацеролу пытаюсь. С моей стороны недальновидно ставить акцент на этом.

Если она продолжит скитаться по миру якобы для того, чтоб будущее его и себя саму спасти, в худшем случае это приведёт к вымиранию рода людского. Учитывая, как она «чётко осознаёт», что уничтожает настоящее, чтоб спасти будущее, человечеству, знать, лишь смерть и светит.

Я чудовище.

Монстр. Демон. Вампир.

Так что меня совершенно не волнует судьба каких-то людишек... Хотелось бы это сказать, да не могу. Вот он, вопрос жизни и смерти.

Я ведь бессмертный вампир: вопрос этот кое-что для меня да значит.

Пищи не хватает; проблему уж на шкурке своей испытать пришлось в виде смерти с голодухи. Это мне теперь, а не барышне, пора в края дальние, и не ради цели благородной, а чтоб просто харчи себе отыскать (подданные нашего королевства-то вымерли все). Но можно вечно бродить по странам да континентам, разорённым красой принцессы, и не найти ничего.

Я при всём желании не могу назвать несущественной проблему, какую красота принцессы Ацеролы породила¹.

Наш камень преткновения — съестные припасы.

Если люди исчезнут, монстров ждёт то же самое.

Пищевая цепь.

И цепь вымирания... сцеплены друг с другом.

Нельзя делать вид, будто это не так.

...Но при этом я не понимаю, что делать-то надобно?

Коли быстренько принцессу слопать, все проблемы враз исчезнут, однако съесть её невозможно, и это ставит меня перед парадоксом, который жуть как трудно разрешить... Так, обдумай всё как следует.

Я ненавижу думать, но нынче не время на принцип идти.

Пришлось обмозговать кое-что, и это принесло свои плоды: вдруг удалось интересы общие с принцессой отрыть. Да-да, смертеготовый, неизбежносмертный, неотвратимосмертный вампир, который ходит под именем Дэстопия Виртуозо Суицидмастер, и «Прекрасная принцесса» Ацерола могут договориться.

Принцесса Ацерола не хочет убивать людей, а я хочу. Принцессе Ацероле тяжело жить, а мне тяжело оттого, что я съесть её не могу.

Ну разве не замечательный баланс спроса и предложения? Надобно лишь выгоду из ситуации извлечь.

Довести пищу до готовности — и шабаш!

Уж две попытки мои деву сожрать обернулись провалом. Два раза моя же рука убивала меня.

— Скажи-ка мне, принцесса Ацерола, — начать пришлось издалека.

Вот те раз, осторожничаю! Не похоже на меня.

План мой был таков: ввести барышню в заблуждение, заставить думать в нужном мне ключе, только всё без обмана, иначе не выгорит. Нельзя обвести принцессу вокруг пальца, скрывая неблагоприятные намерения.

Затаённое зло потом мне аукнется...

Желанием изувечить собственное тело.

Поэтому нам с принцессой надо к такому решению прийти, чтоб она довольной осталась. До чего ж сложный способ сготовить пищу...

— А дальше-то что? Ну покинешь страну, которую сама же и разрушила, а потом в другую пойдёшь? И правда веришь, что на этот раз уж точно найдёшь того, кого сумеешь спасти? Не будет ли то же самое?

— ...Кажется, вы что-то не так поняли. Я не желаю уничтожать каждую страну на своём пути. Наоборот, прикладываю все свои скромные силы, дабы этого избежать.

— Только не хватает их. Шибко-то они скромные. Чувства у тебя, положим, какие-то имеются — это я сейчас про чувство прекрасного, — тут не поспоришь. Однако вот тебе совет: слепо скитаться не очень-то разумно.

Совет.

Ненавижу, когда мне раздают советы, и вот принцесса получает совет от меня?..

Чего-то из образа выбиваюсь.

— Вы правы... — принцесса Ацерола не отвергла совет чудовища, а приняла его с чистым сердцем.

Вот это искренность!

Любой человек на моём месте, увидав принцессу такой, тут же бы с жизнью распрощался, не выдержав вины, но раз уж я вампир, то вышло иначе: хоть и с трудом, а сдержаться удалось.

— Но, даже ежели, по-вашему, это неблагоприятно, другого способа я всё равно не знаю. Единственный выход — продолжать скитаться из страны в страну, иначе мне никогда не найти ответов.

— А вот тут ошибаешься, — захотелось поправить её. Вот он, нужный момент! — Вишь ли, принцесса Ацерола, ты уничтожила наше королевство, пуцай того и не желала. Но пути назад нет. Просить тебя смириться не буду: всё равно ничего уж не поделать. Всё, нет королевства. Это неизменная, непоколебимая истина. Однако из ситуации пользу можно извлечь.

— Извлечь... пользу?

— Если не сорвёшься с места в панике, а пока останешься в царстве этом (считай, уж в царстве мёртвых), то можешь не волноваться, что убьёшь кого ненароком.

Волнуйся тут или не волнуйся, а всё равно в живых никого не осталось — в моих словах нет ни капли лжи.

Всё в пределах допустимого.

— Что вы такое говорите? Меня тревожит, что я убиваю *вас*, Суицидмастер. Я не могу оставаться здесь, пока вы думаете о том, как бы съесть меня. Ведь всё закончится тем, что я продолжу вас убивать.

Принцесса настроена чертовски решительно.

Не потому, что она не хочет быть слопанной, а потому, что ей не нравится глазеть на то, как я себя убиваю, пытаясь её сожрать... Сердобольная барышня. Или, стоит сказать, прекрасная.

Но это всё напрасные волнения.

Волноваться не о чем.

— Я ж бессмертное чудовище, не забывай. Смертеготовый, неизбежносмертный, неотвратимосмертный вампир, Дэстопия Виртуозо Суицидмастер. Смерть для меня — пустой звук! Слушай-ка, принцесса. Вот что я тебе скажу: второго такого создания в природе не найти. Сколько бы раз мне ни пришлось умирать, я всё равно воскресну, даже если придётся коротать век с тобой. *Только я могу руку помощи тебе протянуть.*

— Руку помощи?

Ум у неё, конечно, острый, а всё равно Прекрасная принцесса не ожидала такое предложение услышать, да ещё от меня, вот на лице её и нарисовалось удивление.

— Да-да. На первый взгляд я обычный монстр, но облик ой как обманчив. Вообще, я слегка разбираюсь в колдовстве. Нечисть, вишь ли, всегда тянется к тёмным силам. Так что мне должно хватить знаний, чтоб найти способ снять проклятие ведьмино... Что скажешь?

— ...

Немного подумав, принцесса Ацерола уставилась прямо на меня:

— То есть...

Такой пронзительный взгляд... На вид эта принцесса с трагической судьбой слабая и хрупкая, аж не верится, что в её взгляде решительность недюжинная сквозит... Да принцесса, по ходу, и без всякого проклятия может прикончить меня — надо быть настороже.

— ...в обмен на помощь вы хотите, чтобы я задержалась в этих владениях, пока вы ищете возможность съесть меня?

В точку!

По сути дела, можно лишь чуть подавить силу её красоты так, чтоб она прекратила губить всех подряд, и если план удастся, то я наверняка сумею съесть принцессу.

В каком-то смысле готовить барышню — всё равно что удалять яд из рыбы фугу.

Общие интересы.

Далёкие от идеала.

Но на чём ещё мы сойтись-то могли?

Принцесса получит желаемое, а я удовлетворю свой аппетит... И тогда уничтожение народов и стран прекратится. По-моему, от этого выиграют все.

Ну разве не отличный рецепт мне удалось состряпать на ходу, несмотря на то, что я ненавижу думать?

— Я согласна. Видимо, иного пути для меня нет: остаётся только объединить усилия с вами, Суицидмастер, — сказала принцесса Ацерола, вздохнув с сожалением.

Но даже этот печальный вздох был прекрасен.

Нет, красота была в силе её воли, с какой она решила союз заключить с настоящим монстром, чтоб достичь желаемого.

А может, она согласилась, взвесив, что если откажет на одно-единственное бредовое предложение, которое смог родить мой мозг, то я опять покончу с жизнью?.. Раз так, то стоит сказать, что чуткость принцессы — её самая прекрасная черта.

Хотя меня устроит любой случай.

Покамест я могу есть тех, кого убиваю, меня устраивает всё.

Главное — иметь возможность следовать этому правилу, а всё остальное по большей части не важно.

— Что же, я надеюсь, наш союз принесёт плоды, — принцесса Ацерола протянула мне руку. Это не метафора, она на самом деле подала правую руку для рукопожатия. Нужно быть очень смелым человеком, чтоб протянуть вампиру руку: среди нас бывают и такие, кто может высасывать энергию из тела, коснувшись кого-нибудь ладонью.

«Хочу начать с её бёдер», — только эта мысль крутилась у меня в голове, пока она лежала на коленях принцессы, но после этого храброго жеста захотелось с её грудей начать².

В нашем королевстве пожимать руки не принято, но, раз уж мы с ней на какое-то время стали партнёрами, чтоб разрешить проблемы друг друга, на такой уступок, думаю, пойти можно. Наши руки соединились в рукопожатии.

Это был первый раз...

Когда мои пальцы коснулись плоти принцессы, а не её одежды... Кожа девы была настолько нежной, что хотелось впиться в неё клыками. Ах, что за дивное ощущение!

Аж все мысли из головы вон, и тогда я...

Примечания

1. «Красивый» и «несущественный» звучат одинаково — *бибитару*.
2. В слове «храбрость» есть иероглиф «грудь».

Кажись, мне снова умереть пришлось.

Давайте опишу вкратце крайние события: я, вампир, о котором слагают легенды, и принцесса Ацерола, та самая Прекрасная принцесса из сказки, встретились, заключили сделку, а затем меня убило в третий раз подряд.

Деловой обед прошёл просто отвратительно (хотя время стояло явно не обеденное: на улице — ночь).

Ну, как ни ругайся, а наши переговоры в итоге оказались плодотворными, жизнеутверждающими и успешными... Значит, три мои смерти кряду — не напрасная жертва.

Скорее, прекрасная. Демоническая смерть¹.

Смерть, которая подобает демону.

Итак, принцесса Ацерола получила приглашение в Замок Трупов. Пушай у нас с ней всего лишь сотрудничество, а оставлять её без присмотра вообще недопустимо. И минуту торчать не хочу в лачуге этой убогой, аж сама мысль противна! Чего уж говорить о том, чтоб хранить драгоценную пищу в таком ужасном месте!

Даже Прекрасная принцесса не спасётся, если древняя хибара развалится и похоронит её в обломках (а в остальных случаях барышня, ясен пень, неуязвима; атакуй не атакуй со злыми помыслами и неприязнью — ничего не выйдет).

С законами природы тут не поспоришь.

Сама принцесса отказ категорический выдала (ну, рассыпаясь в извинениях, вестимо): переселяться в замок она не захотела, пушай даже временно. Чай, прониклась скромной жизнью, а не одними только скитаниями. А вообще, если представить на секунду, что среди всех подданных королевства всё-таки остался по крайности один живой человек (хотя земли наши, по идее-то, вымерли), не исключено, что рано или поздно он наткнётся на лачугу эту да и помрёт тут же, — такими примерами и пришлось принцессу убеждать: жить тут опасно и всё такое.

Но дар красноречия...

Отсутствует у меня напрочь.

Оставалось увещевать только, мол, опасности подвергается не одна лишь принцесса Ацерола, но и люди невинные: вдруг кто-нибудь из соседней страны прослышит о Прекрасной принцессе да решится границу пересечь, чтоб убедиться в правдивости слухов? А если она в мой королевский Замок Трупов переселится, о котором везде слава дурная ходит, то новых жертв не случится: никто в здравом уме и близко к нему не подойдёт.

Что это было: горькая правда или сладкая ложь? Не разумею, сложно судить объективно. Но, глядя в прошлое, скажу с уверенностью одно: пришлось приложить немало усилий, чтоб искусно завоевать благосклонность моего провианта.

Хотя по мне так лучше вкусная еда, а не искусная готовка.

Принцесса Ацерола учла всё сказанное, подумала да приняла моё приглашение. Интересно, что именно доверие её заслужить помогло?

Само собой, такому вампиру, как я, да ещё с репутацией дурной, подходит больше украсть эту бесподобную красотку да под замо́к в за́мке посадить, однако, если имеешь дело с красотой не столько бесподобной, сколько убийственной, метода не сработает. Остаётся лишь попытаться похитить её, точно следуя смыслу, заложенному в само слово: завлечь и увести обманом².

Всё сложится хорошо (вернее, всё как раз по плану пойдёт), коли принцессу Ацеролу ошеломит вид моего гигантского Замка Трупов.

После такого позора (три смерти подряд) жизненно важно продемонстрировать свои достоинства, иначе это скажется на дальнейших отношениях.

До чего ж круто, да?

Я владелец замка!

Только принцессу Ацеролу, если судить по её реакции, вид его величественный не впечатлил:

— И... И вы живёте в таком огромном замке в полном одиночестве?..

Как будто она жалела меня, беднягу-вампира.

Чёрт возьми!

Боюсь, в голове её уж закрепился мой образ одиночки!

— Да что ты, какое там одиночество! Живу-от вместе с рабом верным... — жаль, конечно, но сколько ей ни объясняй, а всё выглядит как оправдание... Кстати, вместе с объяснениями на ум пришёл и сам Тропикалеск, о котором прежде и подумать было как-то некстати. Позабылся напрочь.

Стыдно возвращаться с поникшей головой, так ничего и не съев, особенно если перед уходом важно и решительно заявить, мол, трапеза моя уже началась. Что ж, в таком случае остаётся лишь рисоваться перед своим рабом.

— Х-ха... Так вы с кем-то живёте?... Полагаю, стоит попросить у него дозволения, дабы я осталась у вас.

Н-да, чуткость сей барышни и забота, которой она одаряет всех подряд, прямо противоположны её жестокости, точнее, жестокости её красоты. Что тут ещё скажешь — она и пожелания раба вампира учитывает.

Пришлось объяснять барышне, что получить одобрение слуги, пусть даже постфактум, — не проблема: он не привык перечить владыке.

— Категорически против! О чём Вы только думали, мастер?! Поверить не могу, Вы пригласили в свой королевский замок жалкого человечешку!

...Он был против, не то слово.

Этот разговор случился опосля того, как мне удалось временно разместить принцессу Ацеролу в гостиной и в тронный зал вернуться. Объясняю я, значит, вкратце ситуацию, а Тропикалеск тем временем пол реставрирует, с усердием и мастерски сочетая вампирские способности с навыками зодчего. Он даже колени не стал преклонять и на трон не дал мне усестся — сразу в лицо заявил, что план ему мой, видите ли, не по нраву!

— Вы изволите повелеть, дабы я заботился не только о Вашей светлости, но и о ничтожном человеке? Вы просите невозможного, мастер!

— Погоди, ты что, обо мне заботишься?..

Какой профессиональный подход к делу!

А может, это просто в характере раба.

Тропикалеск так скуксился, что казалось, того и гляди разрыдается. Ещё минута, и не осталось бы сил сопротивляться его чарам, — вот до чего трогательную мордашку он соорстил. Однако, собравшись с силами, удалось заявить ему:

— Решение таково, и точка! Мнение твоё меня совершенно не заботит! И кстати, хорош использовать заурядные звания. Что ещё за «мастер»?

— Смиренно прошу Вашей милости и прощения, Суицидмастер!

Тропикалеск упал на колени: опомнился, видать... Однако ж не склонил голову, а пристально на меня уставился.

Может, он и раб, но характер у него точно есть.

И мне хватило глупости смотреть на него свысока? Презирать?

Думать, что он всего лишь преданный идиот? Велика же моя ошибка!

Не самое подходящее место и время для таких открытий, а всё равно меня охватила радость, что пушай и с опозданием, но я теперь знаю и об этой черте слуги моего, о которой и догадаться нельзя было.

— Не паникуй. Можешь вовсе не заботиться о человеке, не заставляю... Скорее, наказываю: держись-ка подальше от принцессы Ацеролы.

— Принцессы Ацеролы?.. Вот как! Подумать только, Вы изволили высечь в памяти имя ничтожного человечихи, Суицидмастер? — пришёл в ужас Тропикалеск.

Думаешь, у владыки совсем плохо с памятью?!

Уж имена-то запомнить я могу!

А сам ещё внаглую продолжает принцессу «ничтожным человечихой» называть, хотя раньше был её сородичем!

Или же...

Он жгуче ненавидит её как раз потому, что когда-то тоже был человеком?

Отвращение к своему роду... Отвращение к бывшему роду?

Что сказать? Я, настоящий вампир, порождённый людской злобой, а не превращённый вкусом, тоже существами низшими людишек считаю. Так что взгляды у нас с Тропикалеском совпадают, ещё как.

Нет нужды различать людей и как-то запоминать каждого по отдельности.

Но эта барышня — другое дело.

Принцесса Ацерола... Прекрасная принцесса ни разу не ничтожный человечиха.

Она совершенный человек. С мясом лучшего качества.

Достойный того, чтоб его запомнили.

Так что надо бы предупредить Тропикалеска:

— Я смертеготовый, неизбежносмертный, неотвратимосмертный вампир: для меня «защитный барьер» принцессы этой — ничто, но вампир вроде тебя запросто об него расшибётся. Коли встретишься с ней лицом к лицу — в тот же миг разлетишься на куски!

Кстати, это и случилось со мной, стоило впервые увидеть принцессу. Стало быть, заявлять, будто её барьер для меня — ничто, как-то очень уж самодовольно. Но если не вынести слуге предупреждение суровое, то ему захочется лично во всём убедиться, проверить, что красота Прекрасной принцессы даже нелюдей соблазняет.

— В та... В таком случае позвольте предупредить, ей тем более... Тем более нельзя здесь оставаться, Суицидмастер! — воспротивился Тропикалеск. — Да разве можно держать столь опасную особу в этих стенах?.. Будучи зрителем замка, со всем почтением уведомляю, что не способен глядеть на это сквозь пальцы!

Ну, я знаю, что он за замком ухаживает, но чтоб зрителем себя считать?.. Хм, кажись, если отношения с кем налаживаешь, просто обречён-таки открывать новые стороны чужой личности.

Может, имеет смысл попытаться раскрыть до сих пор нераскрытые качества моего слуги?

— Много болтаешь, Тропикалеск. Недовольство своё лучше-ка при себе держи! Никогда мне не приходилось менять свои решения, али не так?

— Ежели мне позволено будет сообщить Вашей светлости, полагаю, это не совсем так...

Пф-ф...

Да ладно?!

Хотя да.

Решимость и убеждения мои и правда под сомнением: кое-кто покинул замок с твёрдым намерением съесть ту принцессу из сказки, а в итоге сюда её притащил. Хотя обычно-то я стараюсь достичь поставленных целей, насколько это возможно.

Только делаю это по-своему. На свой лад.

По сути, принцессу пригласили не на званый обед. Она скорее не сядет за стол, а попадёт туда в качестве главного блюда.

Я будто бы заготавливаю пищу на будущее.

А раз так, то рабу стоило бы похвалить владыку за тяжкий труд.

— Ты был прав, Тропикалеск, она не так-то и проста. Пищу эту трудновато до готовности довести. Проглотить её целиком, кажись, не выйдет. Думаю, сначала надобно тщательно подготовиться (и серьёзно отнестись к этому), чтоб съесть принцессу. Ещё раз, не смотри на меня так! Забота о ней ляжет на мои плечи.

— А... А Вы, Ваша светлость, и вправду сумеете позаботиться о провизии? Не станет ли это затем моей обязанностью?..

— Конечно сумею!

Казалось, будто ребёнок, подобранный на улице пса бродячего, просит разрешения у родителей оставить дворнягу дома. О, какое точное сравнение!

Какое сходство ситуаций!

Отличие лишь в том, что подобранный мной человек не питомец, а пища.

— Решено, я смогу! Вот тебе моя воля! В общем, так всё и будет. Никаких трудностей. Помяни моё слово: проблем она не доставит. А что? Я не собираюсь держать её долго. Побудет здесь, пока чрез барьер красоты не пробьюсь и не убью. Дело времени.

— ...Воля ваша.

«Но если вдруг что, — добавил Тропикалеск неохотно, — на меня не рассчитывайте», — и, через силу и даже с горечью, разрешил Прекрасной принцессе остаться в замке.

Если задуматься, замок-то *мой*, и чего это я тогда добиваюсь разрешения у подчинённого? Но отношения владыки и раба довольно-таки сложная штука: не всё так однозначно.

Что ни говори, а времени вышло прилично, покамест улаживались все трудности, только главное было всё ещё впереди.

— Итак, Тропикалеск. Хочу узнать твоё мнение... — сначала заявить слуге, что мнение его меня не заботит, а потом совета у него просить (ну надо же!). — Как, по-твоему, можно убить Прекрасную принцессу?

Примечания

1. Рассказчик берёт выражение «напрасная смерть» (*инудзи ни*) и меняет иероглиф «собака» на «демон», разворачивая таким образом отношение к смерти с презрительного на, как ему кажется, возвышенное. Считается, что смерть собаки бессмысленна, поскольку ни кожа, ни шерсть животного нигде не могут пригодиться. В японском языке сравнение с собаками часто имеет негативный оттенок. Например, слово «*инудзамурай*» означает трусливого, недостойного самурая. А японский поэт Ямадзаки Сокан (1465-1553), публикуя сборник *рэнга* и *хайкай*, назвал его «Ину-Цукубасю». Это была отсылка к более знаменитому сборнику *рэнга* «Цукубасю» авторства Нидзё Ёсимото (1320-1388). Самокритично добавив к названию книги иероглиф «собака», Ямадзаки показал, что его работа — не более, чем псевдопоэзия в сравнении с творчеством Нидзё.

2. Слово «похищение» (*ю:кай*) состоит из иероглифов «завлекать» и «похищать (обманом)».

Плана у меня, не побоюсь сказать открыто, не было.

Полная безыдейность, бездеятельность.

Курс действий отсутствовал как раз потому, что приготовить мне предстояло кой-кого *особенного*.

Когда мы с принцессой в лачуге той сидели, голову поломать пришлось изрядно, чтоб найти хоть какую-то причину барышню задержать. Только-от сначала Моя светлость заявляет ей, мол, нельзя слепо скитаться, а потом действует точно так же: слепо в замок деву приглашает... Да чего уж скрывать, в этой ситуации главный слепец не принцесса, а я.

Чётких представлений, как снять проклятие ведьмино, у меня не имелось, хотя принцесса и получила обещание, что мы над бедой этой вместе подумаем.

Да хоть бы догадка какая посетила, а то и того нет!

В моих словах так-то не было ни капли лжи: в вопросах колдовства я слегка разбираюсь, правда, буквально «слегка»: снять проклятие или вот хоть другое наложить, чтоб оно первое уравновесило, мне не под силу.

Первейшей задачей моей было разместить Прекрасную принцессу в этом холодном тёмном месте под названием Замок Трупов, чтоб затем приготовлением её заняться, — пришлось поразмыслить сперва об этом деле, а не о том, как буду есть свою жертву, но, достигнув цели, разум мой плутал, точно в тумане, не зная, как найти ответ на вопрос: что делать дальше?¹

Кстати, я ж вампир и, ясное дело, знаю, как в туман обращаться...

— В общем так, Тропикалеск. Хочу попользоваться мудростью твоей. Ты ж из какого-то древнего рода колдунов, верно глаголю?

— Это дела давно минувших дней, Ваша светлость, — сухо ответил Тропикалеск.

Нет, раздражён он точно не был (может, слегка недоволен только). Этот достойный муж, бьюсь об заклад, всем сердцем ненавидел вспоминать о том, *как был человеком*.

Надо сказать, колдуны разные бывают: и добрые, и злые. Людишки-то с ним, как помнится, плохо обошлись: чувства его понять можно (однако я обращаюсь с ним не лучше).

И всё ж на реверансы времени нет: ситуация обострилась. О чужих чувствах пушай вон Прекрасная принцесса печётся, — такое не про меня.

Моя светлость больше тревожится о грядущем.

— Словом сказать, *красота* принцессы смахивает на *очарование* вампирское, согласен? — пришлось прикинуться безразличным вампиром, чтоб не вестись на душевные терзания Тропикалеска и наконец закончить свою мысль.

Очарование.

Что я, что Тропикалеск обладаем этим характерным для вампиров *даром*. Прежде чем человека в раба обратить, мы пускаем в ход *очарование*. Оно туманит разум (как при гипнозе, считай), а потому-от смахивает на силу красоты Прекрасной принцессы, любого обворожить способной².

Очарование действует тем лучше, чем слабее дух человека. Но, как бы то ни было, вампиры управляют этой силой. Могут использовать по мере надобности.

— Ну а что, если Прекрасная принцесса на деле *может* использовать силу своей красоты — хотя кажется, что вообще ей не управляет, — коли необходимость для того появится? — таким было моё предположение, но Тропикалеск со мной не согласился:

— Позвольте возразить Вам: здесь нечто иное.

Глянь-ка! Теперича и на ошибки мои указать не стесняется!

Ай да молодец!

— Поскольку прежде всего Прекрасная принцесса не проклята.

— Не проклята?

— Скорее, это дар. Вы так считать не изволите? Подарок судьбы, благословение³, — Тропикалеск с таким апломбом рассуждал, будто своими глазами лицезрел чудо... Он может сколько угодно ненавидеть своё человеческое прошлое, да только куда от него денешься-то? Недаром ведь говорят: какая душа в три года, такая и в сто лет.

На счёт принцессы у него, видать, было какое-то своё мнение.

— Чего? Благословение?

— Она была с рождения одарена сей красотой и очаровывала всех вокруг, — принялся объяснять Тропикалеск. — Магия и колдовство здесь ни при чём. Ведьма лишь сделала красоту принцессы видимой, но никак не усиливала её.

— М-м... Сделала видимой, значит? — понять — ничего не понимаю, а кивнуть всё-таки пришлось.

Сделать красоту видимой.

Он говорит о... внутренней красоте?

Как сказал бы повар, стало быть, речь о вкусе?

А не о сервировке блюда.

— Раз такое дело, нельзя ли наложить на неё какое-нибудь заклятие, чтоб красоту-то эту скрыть?

Свести действие проклятья на нет.

Око за око, зуб за зуб.

Проклятье за проклятье.

Коль красота её — дар, тем больше причин наслать против неё проклятье.

— Ежели пожелаете узнать мнение своего презренного слуги, то вынужден сказать, что сие станет для нас явной трудностью. Вероятно, мы могли бы провернуть сей трюк раньше, но сейчас любое заклинание, а не одно лишь проклятье, направленное против неё, будет расценено как *нападение* и, боюсь, в восьми-девяти случаях из десяти отразится в самого заклинателя... Идеальная защита. Например, если бы мы решили *очаровать* Прекрасную принцессу, то *очаровались бы сами*, — в этом нет сомнений.

— ...То бишь если кто-то попытается убить её и съесть, то он убьёт и съест сам себя? Даже я? Даже Дэстопия Виртуозо Суицидмастер?

На шутку Тропикалеск ответил более чем серьёзно:

— Весьма вероятно. Предполагаю, нынешнее развитие событий обусловлено тем, что Вы, Суицидмастер, *якобы* нашли общие интересы с Прекрасной принцессой.

Тропикалеск нарочно сделал акцент на «якобы»... Словно намекая, что кое-кто принцессу обманул.

— Вы обманули её.

Вот это наглость!

— Ваш покорный слуга восхищён Вашим замыслом, владыка. Вы здорово придумали: пригласить её в замок, сыграв на желаниях самой Прекрасной принцессы. Но ежели теперь сделаете хоть одно неверное движение и в Ваших действиях против неё промелькнёт злой умысел, то Вам это тут же вернётся сторицей.

— Ну, с этим я справлюсь.

Моё тело уж трижды умирало.

Нет смысла осторожничать.

А только сторицей вернулось мне не зло, а голод.

— Я более не буду прекословить Вам, Суицидмастер, однако не считаете ли Вы, что сперва необходимо подготовиться? Ваш ничтожный слуга подразумевает Вашу физическую форму... Полагаю, не стоит идти на такого противника на голодный желудок.

— Решение уж принято давно: первой трапезой моей опосля стольких дней голода станет эта барышня.

Мне не нужны ни закуски, ни аперитивы.

Вообще, мне уже кое-что перепало: моё собственное сердце, а всё одно это не считается.

— Как пожелаете... Ваш покорный раб будет искать возможность помочь Вашей светлости употребить принцессу. Рискну разыскать способ, при котором можно обойтись без колдовства. А посему умоляю, умоляю Вас, владыка, не торопитесь и проявите всю необходимую осторожность при подготовке.

— Ага, дело ясное. Можешь не повторять. Меня-от хоть и зовут Суицидмастер, но желанием умирать я как-то не горю.

Однако ничто не помешало мне наобещать с три короба, а потом, сразу же после этого разговора, метнуться к Прекрасной принцессе и ещё дважды расстаться с жизнью.

Да уж, я Суицидмастер в истинном смысле этого слова.

Примечания

1. Рассказчик использует выражение «горимутю», которое отсылает к преданию из китайской хроники «История династии Поздняя Хань». В 36 книге описывается биография Чжан Кая, который, как утверждается, разработал секретный даосский приём «Улиу». Он охотно применял его, чтобы скрыться из виду. Доподлинно неизвестно, был ли этот человек колдуном или учёным мужем, однако Чжан Кай, с помощью «Улиу», мог «призывать» туман, который простирался на 5 ли (примерно 2,5 км) вокруг него. В наши дни «горимутю» используется для описания полной растерянности, какую, например, испытывает человек, оказавшись в густом тумане, где не видно ничего дальше собственного носа.

2. Неспроста иероглиф «очаровывать» (魅) состоит из «чёрт» (鬼) и «ещё не» (未). В 未 заложен смысл «еле заметный». То есть очарование — не что иное, как демоническая сила, которая застилает глаза и не даёт как следует разглядеть, что за ней скрывается зло.

3. В слове «благословение» (祝福) есть иероглиф «праздновать» (祝). Он делит один и тот же радикал вместе с иероглифом «проклятие» (呪).

Я, по идее, вампир не особо-то рассудительный, только мне и пяти смертей хватило, чтоб умом дойти: подход менять надобно. Нужны меры порадикальнее аж до зарезу, коль пищу хочу сготовить.

Осторожничать поздно: принцесса уж возбудила мой аппетит — терпение вышло быстро; в голову стали лезть всяческие, как же барышню-то загубить. Да-от сколько ни кумекай, а ответа всё не было.

От этого лишь сильнее есть захотелось.

Живот на спину не променяешь¹, а коли в нём пусто ещё, так и подавно. Менять *умонастроение* вдруг стало жизненной необходимостью.

Нужда и взгляды реформировать заставит, так что пора устроить принцессе своеобразный *coup d'État*².

Принцессе Ацероле измениться надобно.

Хотелось бы, чтоб её оригинальный вкус нетронутым остался, да без специй уж, знамо, никак. Приправлю принцессу — и сожрать будет легче.

Мой верный раб, Тропикалеск Хоумэвэйв Догстрингс, сильно сомневался, разумно ли человечешку презренного в замке оставлять, но всё равно отправился на поиски ответа: можно ли вообще принцессу как-то сготовить (чёрт, да его преданность не знает границ)... И всё-таки нельзя ж сидеть сложа руки, ожидая вестей от слуги! Не в моём характере во всём на прислугу полагаться.

Не всякая пища сочетается с другой.

...Забота о провианте между тем и правда легла лишь на мои плечи, как и обещалось Тропикалеску. Опять из образа выбиваюсь, что за притча!

В обязанности мои входило: доставать пищу человеческую, готовить её как подобает, по-человечески, и приносить всё это добро трижды в день в покои принцессы. Ладно там утром или вечером заморачиваться, но днём вставать — сравнимо разве что с адом: вампиры в это время спят. Пришлось, ясное дело, терпеть и расценивать мучения мои как этапы готовки блюда.

Вообще, я сплю в гробу, так что мне и в голову не приходило кроватями пользоваться — а они вон расставлены по всем покоям замка, — да-от обязанность готовить принцессе постель вечером и поутру её застилать всё равно не исчезла никуда. Пришлось делать и это.

Хорошо ещё, что Тропикалеска в замке не было.

А то мой ничтожный слуга глазел бы, как я пресмыкаюсь пред человечешкой, — нет уж, увольте!

Но пища моя должна жить в уюте.

Иначе в новой, незнакомой обстановке стресс заработает да вкус от него растеряет. Было бы обидно.

— Не стоит, я могу позаботиться о себе сама.

Прекрасная принцесса к тому времени, что и говорить, успела поскитаться в одиночку, а потому знала, как и что делается, и уж стеснялась неудобства другим доставлять, вот только кое-что подозрительным кажется.

Её воспитали слишком доброй и вежливой, а поначалу даже не верилось.

Барышня, вестимо, изнеженной не была и могла сама о себе позаботиться. И всё ж ей пришлось оставить родные края (уничтожив страну свою) да в странствия дальние отправиться... Не сомневаюсь: дева протянула так долго лишь потому, что ей помогали окружающие.

Те же одежды на ней, поди-ка, *дань*, принесённая другими путниками. Принцесса Ацерола не в том положении, чтоб отказывать всякому встречному-поперечному, даже если внимание навязчивое. Не примет дар — люди отдадут свои жизни.

В королевстве, как-никак, уж не осталось ни одной живой души, чтоб преподнести барышне одежды в дар, — пришлось заняться этим делом мне. Принцесса принципа держалась: жить скромно и по средствам, а потому суета моя не сильно-то ей по нраву была, но что поделать — люблю, когда пищу мою подают красиво.

Платья все роскошью кричали. Хотя кой смысл было стараться и заказывать прекрасные наряды девице, которой любая тряпка к лицу.

Как бы Тропикалеск ни тревожился, одним словом, а продовольствие моё окружено заботой было: всё делалось по уму и на совесть.

Однако допусти лишь одну малейшую оплошность, покамест о барышне этой печёшься, — и твоя песенка спета (честно, за короткий срок смерть уж дважды прибирала меня к рукам), вот и представьте, как один вампир, страхом страшась, чуть ли не весь дрожит³, подённо занимаясь выкармливанием принцессы.

Такое долго не потерпишь.

Пущай мне и дарованы вечная молодость и долголетие.

— В общем так, принцесса Ацерола, взгляды ты тоже поменяешь.

— ...Иными словами, ежели хочу, дабы меня съели, необходимо существенно изменить моё умонастроение, — это вы хотите сказать, Суицидмастер?

«Да будет так», — кивнула принцесса.

Согласна? Не шутя?

На первых порах померещилось, что барышня, с красотой её беспощадной, убивающей всех на своём пути, себя, бедная, забыла, однако дева не настолько слаба духом. Человек она стойкий, аж проблемный от этой стойкости.

Боюсь, если дело не выгорит, принцесса так пресной и останется.

— Полагаю, я перепробовала все методы, всё, что только было в моих силах... Но скажите, Суицидмастер, как же возможно изменить умонастроение?

— Верный слуга мой ляпнул, что всему виной не ведьмино проклятье, а красота твоя. Раз так, логично с красотой бороться, а не с проклятьем ведьминым, да?

— ?

Кто ж её разберёт, осознавала ли вообще принцесса Ацерола, до чего она красива? Но, кажись, до этой скромницы слова мои толком-то и не дошли.

А может, объяснение вышло не самым удачным.

И всё ж надобно было заставить её понять.

Чтоб она осознала это.

Рецепт её приготовления состоял из невероятно сложных шагов, но другого выбора не было. Даже по спине Тропикалеска шагать куда легче, чем следовать букве этого рецепта.

— Короче, принцесса Ацерола, тебе только и нужно, что перестать красивой быть. Тогда-то и люди не будут попадать под очарование красоты твоей да в дар нести самое драгоценное, что у них есть, — свою жизнь.

— ...Но это ведь полумеры, разве не так? Всё равно что предложить с жизнью расстаться, раз более она не мила мне.

Принцесса привыкла говорить прямо и откровенно.

Она тут беседу с вампиром ведёт, и её это ничуть не пугает.

Таки да, в словах барышни есть резон.

Решение это не устраивает даже меня... Ну вот представим, будто принцесса Ацерола поменяла взгляды, отбросила там скромность, чуткость, заботливость, доброту природную, даже от эстетики отказалась, и всё ради того, чтоб смертоносной не быть.

Люди перестанут умирать.

Страны продолжают существовать.

Но разве такое решение по душе самой принцессе Ацероле? Вот и мне нет: рецепт не сохранит оригинального вкуса пищи.

Нет-нет, вкус изменится.

— Слушай сюда, принцесса Ацерола. Я так-то не призываю жертвовать красотой твоей. Лишь притвориться потребно. Всё дело в «сервировке», в том, как правильно себя подать.

А теперича к самому главному.

— При... твориться? — удивилась барышня.

— Как понимаю, всё началось с того, что люди видеть не видели, какая ты внутри, только на красивую наружность глазели, так? Потому-то тебе пришлось к ведьме обратиться. Она сделала всё, чтоб наружность твоя не обольщала никого, а люди лишь красотой внутренней любовались, забывшись от восторга. Правильно излагаю? Так вот, я просить тебя отказаться от того, что на душе лежит, известное дело, не буду...

Даже если попросить, она всё равно не сможет.

А могла б, в тот же час от всех проблем бы избавились.

Остаётся только *изменить её умонастроение*, и давно пора!

Принцесса Ацерола не способна скрыть своё благородство, ну а я аппетит свой не могу обуздать. Ничего, не страшно.

Всё в порядке вещей, потому...

— Потому, раз уж ты не можешь изнутри поменяться, просто поведение измени.

— Поведение... Что вы хотите этим сказать?

— Проще говоря, тебе надобно вид делать, будто ты *плохой человек*. Выглядеть в глазах других хуже, чем есть на самом деле. Избавься от утончённой манеры разговаривать, перестань держаться гордо да ходить, точно плывёшь по воздуху. Враз забудь об этом. Ничего зазорного здесь нет, внутри ты такой же красивой останешься, али не так?

— ...

Принцесса Ацерола задумчиво молчала, пальцы к губам прижав.

Размышляет, поди, да серьёзно как! Тут я, значит, тыкаю в неё пальцем и без жалости выпаливаю:

— И без этой позы! Отсель, когда охота припадёт мозгами поворочать, даже не порывайся прижать пальцы к губам! На груди руки скрещивай! О другом ты думать точно не станешь, только поза поменяется, и всё. Суть мыслей та же будет!

— Скре... Скрестить руки?... — принцесса Ацерола выглядела растерянной, будто у неё и мыслях никогда не было такую вульгарную позу принять.

В идеале не худо бы барышню научить ещё парочке трюков: на стуле сидеть, поджав под себя ногу, с разбегу на кровать плюхаться... Только не надо ждать от неё многого и сразу. Шибко великие цели.

Хотя какие там великие — низкие!

Начнём с малого и будем исподволь задачу усложнять.

— Платья теперича буду искать тебе яркие и броские. И без столовых приборов есть будешь. Хватай куски прямо из тарелки.

— Хв-ватать из тарелки? — принцесса ушам своим не поверила, а я знай наседай и наседай, чтоб переубедить бедняжку:

— И вообще, резать пищу ножом — варварство! В каком-то смысле.

Глянь-ка! Убеждать выходит всё лучше и лучше!

Справедливости ради отмечу: у каждой культуры свои понятия, что считать дикостью, а что — нет. Это с какой стороны посмотреть. Взгляды у всех разные; считай, это и есть средоточие всех бед.

И средоточие это такое сильное, что человек из чуждой среды, попадая в незнакомую, волей-неволей доходит до точки, культурный шок испытывая.

Интересно, а кем я ей вижусь? Как она смотрит на меня?

— Н-но позвольте, Суицидмастер, я...

— Без высокопарностей, принцесса Ацерола! Всякий раз, когда на слог высокий срываешься, поминай о той тьме-тьмущей несчастных, кои во имя тебя померли! Теперь говори просто, точно старуха какая-нибудь.

— С-старуха?... Хм-м... Что же, по-видимому, мою манеру речи тоже надлежит изменить... Да, сделать её грубой и резкой, — принцесса Ацерола соорудила серьёзную мордашку и с готовностью кивнула.

Ну, раз начала собственные идеи толкать, суть она явно ухватила.

Да-от хорошего это ничего не сулит. Барышня, гляди, ещё так расхрабрилась, что аж неприлично на раннем этапе подготовки. Умонастроение не меняют по щелчку пальцев. К вопросу подойти надобно основательно, издалека. Взяться за что-нибудь, что легко поддаётся изменению.

Полегонечку, шаг за шагом.

— Я чай, не прошу *становиться* плохим человеком. Зло в тебе не взрастит. Просто *притворись* плохой. То бишь стань тем, про кого толкуют: «Ну не обессудьте! На самом-то деле она хорошая!»

Красивая наружность барышни более не могла скрыть её красоту истинную. То было ведьмино проклятье, то был дар Прекрасной принцессы.

Ну а если она красивой казаться перестанет, оставшись по сути прежней, то мы, поди-ка, сумеем скрыть за впечатлением ложным самое ценное. Так и обманем принцип действия этого проклятия или дара.

В каком-то смысле...

Это всё одно что мясо жарить, в пергамент оборачивая.

Принцесса Ацерола никого более не убьёт.

А значит, я смогу убить её.

...Всё это лишь догадка.

Однако ж её стоит проверить.

Подтвердить... Так сказать, проверить пищу на яд.

Не исключено, что мы глупости творим какие-то, аж стыдно должно быть, только что я, что принцесса Ацерола были непогрешимо серьёзны.

— Я поняла. В смысле, докумекала, — в голосе её решимость твёрдая зазвучала; барышня горделиво расправила плечи. Она, небось, впервые за всю жизнь приняла этакую позу надменную. — Впредь, в смысле, отсель я постараюсь... То бишь изловчусь вести себя так, чтоб казаться как можно грубее. Буду брать пример с вас... С тебя, Суицидмастер!

— ...

А вот последнее — перебор! Хотя ценю её настрой. Тогда, поди-ка, имеет смысл именем новым её наречь — чем чёрт не шутит? — чтоб избавиться от титула милого да непомерно изящного — Прекрасная принцесса.

«Надобно придумать моему блюду нечто такое, чтоб не стыдно было в меню занести; барышня, думаю, противиться сильно не будет», — такие мысли копошились в моей голове при виде принцессы, которая впервые за долгое время горела энтузиазмом, цепляясь за крошечный лучик надежды.

Примечания

1. Смысл японской пословицы «*сэ ни хара ва каэрарэнай*» заключается в том, что невозможно достичь чего-то одного, не принеся что-то другое в жертву. Нельзя жертвовать животом, даже чтобы защитить спину, так как в брюшной полости находятся *годзо-роппу*, поэтому

приходится поступать наоборот. В странах Азии с животом связаны понятия «душа» и «жизнь». *Годзо-роппу* (внутренности) — китайский принцип, впервые описанный в «И-вэнь чжи», библиографическом разделе хроники Ханьшу. Китайцы считали, что пять органов (печень, сердце, селезёнка, лёгкие и почки) соотносятся с принципом Инь, а шесть потрохов (толстый и тонкий кишечник, желудок, жёлчный и мочевой пузыри и лимфатическая система) — с принципом Ян. Главное — защитить «живот» (себя; свою жизнь), однако этого невозможно добиться, если в безвыходных ситуациях не жертвовать «спиной» (другими людьми).

2. Государственный переворот (*франц.*).

3. Выражение «*сэньсэнькёкё*» впервые встречается в «Оде о неправых советниках» (из великого китайского литературного памятника «Книга песен»), которая заканчивается такими строками: «...И страхом страшась, весь дрожу я, предвидя беду! / Как будто, приблизившись к бездне глубокой, стою, / Как будто я первым ступаю по тонкому льду» (пер. А. А. Штукина).

— На Прекрасной принцессе висит проклятие, не позволяющее людям отдаваться во власть её красивой наружности, посему идея обезобразить внешний облик сего ничтожного человека, на взгляд Вашего недостойного слуги, являет собой не столь противоречие, сколь злую насмешку, — голос Тропикалеска вернул меня в сознание. Слуга, видать, уж покончил с поисками и возвратился в Замок Трупов. Долго же его черти носили... Кажись, мне снова умереть пришлось.

От лёгкого голода.

Хотя такой голод ни лёгким, ни тяжёлым не назовёшь, он просто смертелен.

Тело-то моё, по сути, изрядно полегчало: в животе давно пусто, желудок покамест лишь куски моего мяса видал.

Если сожру что-нибудь, то почувствую тяжесть, зуб даю... Ладно, не важно.

— Суицидмастер?

Верный раб, кажись, даже о смерти моей не догадался, — вон какое любопытство в голосе: увлёкся обсуждением, видать. Узнай Тропикалеск правду, всё могло бы кончиться скандалом (а то вообще бы заставил поест, запихнул бы еду в глотку), так что надобно выдохнуть спокойно да разговор поддержать, будто ничего и не было:

— Насмешка, глаголешь? А почему нет? Вся жизнь её — одна большая насмешка.

— О-о? Что Ваша светлость имеет в виду? — Тропикалеск подался вперёд, точно слова мои пробудили в нём небывалый интерес.

Похвально, что слуга жаждет поучиться у владыки, спору нет, да-от учить-то нечему: так, ляпнуть привелось, лишь бы разговор поддержать; показать, что слушаю с вниманием. И нечего тут спрашивать «что я имею в виду»! Ничего, кроме того, что уж сказано.

Нельзя было промолчать, вот и всё.

Но не могу же я так от него отбрехаться?

Так-от и пришлось выдумывать всякое, чтоб скрыть от Тропикалеска мою голодную смерть. Из вежливости, ясное дело. Это самое притворством и называют?

— Пораскинь-ка мозгами, — услышал мой верный раб в ответ. — Для людишек-от принцесса Ацерола — сама справедливость во плоти, но в жизни-то она загубила куда больше народу, чем я или ты. А нас ещё абсолютным злом считают! Уж не видится ли тебе такое насмешкой судьбы? Как злая насмешка над её характером!¹ Цинично, что в погоне за высокими идеалами она уж не одно королевство уничтожила.

— Как говорится, в слишком чистой воде рыба не водится...² — заключил Тропикалеск. — Однако Вашему неразумному рабу видится, что люди, расставшиеся с жизнью во имя Прекрасной принцессы, сами того желали. Даже счастливы были отдать.

Ещё одна насмешка?

Или же истина?

Как бы принцесса Ацерола ни тревожилась, ни убивалась и ни горевала, а жертвоприношения людские остановить не могла. Боюсь, все её просьбы были тщетны.

Насмешка это судьбы или нет, а только фатум игнорировал потуги барышни.

Да и в силах она разве противопоставить хоть что-то безотказному людскому инстинкту жертвовать собой во имя справедливости и красоты? Для простого люда благородная Прекрасная принцесса была важнее всего на свете.

Барышня между тем откровенно понять не могла, что те чувствуют на самом деле. Опять-таки именно отсутствие понимания этого делало принцессу принцессой.

Дева оттого и зовётся Прекрасной принцессой, что не горазда понять чувства мещан и простых смертных.

У неё королевское самосознание.

А можно взглянуть на это и поперёк.

Скажем, представить всё так, будто принцесса Ацерола не погубила многие народы, а избавление желанное им даровала... При виде девы люди думали, что теперь-то они видели истинный творения перл, их жизнь полна и жить более незачем.

Венец создания... что всем конец пророчит.

И всё ж принцессу Ацеролу не проймёшь доводами в духе «какой прок горевать о мёртвых — они вон только рады были во имя тебя помереть».

Кабы можно было такой малостью отделаться, она давно избавилась бы от проблем.

Заодно и мои улетучились бы.

Только мне не надобно даже аргументы её разбивать.

Не разобьёшь, говорят, яйцо — не сготовишь омлета. Зато яйцо можно сварить, не трогая скорлупу.

Навыки шеф-повара во всей красе.

— Иными словами, Вашей светлости надобно *не лишить* её красоты, — пустился в рассуждения Тропикалеск, — а лишь учинить что-нибудь, дабы она *не казалась* красивой?

Позвольте Вашему ничтожному слуге по такому случаю дать один совет: обратите свой взор на обереги.

— Обереги? Хм-м? Это ещё что? Магия какая?

— Нет, позвольте пояснить Вашей светлости: сие нельзя назвать магией в привычном понимании. Среди людей бытуют разные изустные предания; родители следуют им в надежде защитить детей от демонов вроде меня и Вашей светлости, дабы мы не смогли их утащить: младенцу нарочно дают несчастливое имя-оберег, дабы отпугнуть зло и всё подобное ему.

Несчастливые имена, кажись, должны бы притягивать несчастья, а не нет. Что ж, в этом есть своя логика.

Свой привкус... Особенность.

Тогда опасна, выходит, не одна Прекрасная принцесса, но и любая хорошенькая девица. Коли кто захочет взять такую красу под крыло, он точно накличет на себя беду.

Родителям иногда духу не хватает дать чаду своему имя странное, чтоб оберегало от злых духов, и тогда они принимаются одевать отпрысков скромно, выбирая одежды, изыска да красок лишённые. А порой вообще рядят в нечто причудливое и пугающее, — одно из проявлений человеческой мудрости, считай.

Ну а если вспомнить, что мне не из-за имени или одежд принцессы Ацеролы слопать её захотелось, а по вине красоты, то хорошо бы посоветовать людишкам придумать что-нибудь новенькое, если те и дальше хотят спастись от злых духов. Только я не из тех, кто советами сыплет.

Я же чудовище, пожирающее людей.

Ем тех, кого убиваю. Убиваю, чтоб поесть.

...Однако ж разговор крайний с Тропикалеском на мыслишки кой-какие натолкнул, покамест в голове зрел план придумать принцессе Ацероле новое имечко. Первое время хотелось мигом решить этот вопрос и поскорей окрестить барышню, а всё-таки не стоит давать ей несчастливое или странное имя.

Ну что, попробовать? Но хорошо бы тщательно обмозговать.

— ? Что-то случилось, Суицидмастер?

— Нет, всё в порядке.

Не буду покамест говорить Тропикалеску, что обдумываю имя принцессе. А то в прошлый раз он так переполошился, когда узнал, что имя «ничтожного человечихи» мне запомнилось; этак верный раб мой может закатить истерику, если узнает, что владыка его, опустившись ниже некуда, подыскивает имечко для провианта.

И тогда слуга снова начнёт докучать.

Ещё и аппетит попортит.

Нет уж, дудки, а то мне будто трудностей было мало!

— Пушай отдельные людишки и лезут из шкурки вон, лишь бы, превратившись в вампира, обрести наружность красивую, да-от не для всех это справедливо: далеко не каждый на такую авантюру решится.

— Правду молвите, Ваша светлость! Люди безмозглы и безрассудны, их глупость не знает границ! — Тропикалеск развёл руками, будто соглашаясь со мной, но представления его как-то далековаты от тех, какие мне донести хотелось. На первых порах чудилось: он ненавидит людишек оттого, что те его бывшие сородичи.

Но теперича отчего-то мнится, что он, ещё человеком оставаясь, всем существом своим их ненавидел.

Впервые взглянув на Тропикалеска, Моя светлость чувствует движение мысли... Нет, в таких словах почудиться может, будто я ни в грош не ставлю своего добросовестного раба и даже взглядом его никогда не достаиваю, так что исправлюсь: впервые случилось так, что меня посетила идея, стоило лишь на слугу поглядеть. Ни для кого не секрет, что если человека вампир укусит да в раба своего обратит, то тело смертного начнёт меняться, совершенствоваться, покамест не примет наилучшую из форм, — такое в порядке вещей, данность.

Не погрешу против истины, если скажу, что укус вампира — всё равно что способ прихорошиться.

Тропикалеск, знамо, не уничтожает народы и страны красотой своей ослепительной, но внешность у него, чего греха таить, выдающаяся. С прежним человеческим обликом не сравнить. А всё благодаря моему милостивому укусу!

Слуга мой стал куда мускулистее, даже вытянулся слегка; здоров, силен и к хворям, известное дело, невосприимчив.

Вот что значит быть вечно юным и живучим.

Вот в чём смысл бессмертия.

И вот на этом моменте остановиться надобно да призадуматься: человек, превращаясь в вампира, получает вечную жизнь и наружную красоту, не вопрос, а что насчёт красоты внутренней?

Обретение духовной красоты, так сказать, не столько смысл бессмертия, сколько его завершающий этап.

Тропикалеск вона как людишек унижает; они ему хоть и еда теперь, а не сородичи, но всё ж язык не поворачивается назвать раба моего обладателем прекрасной и милосердной души.

Его преданность ко мне прекрасна — отрицать не буду, — но, кроме неё, ничего прекрасного в душе Тропикалеска нет. Да и то большой вопрос: есть ли смысл высоко ценить такую преданность, или, по-другому, раболепие?

Себя я, заведомо, тоже обладателем высокой нравственности не считаю, особо если учесть, как свысока поглядываю на Тропикалеска, возвышаясь на троне, да речи горделивые с ним веду.

Так-то принцесса Ацерола пример берёт с грубого *мещанского* создания.

Дэстопия Виртуозо Суицидмастер и Тропикалеск Хоумэвэйв Догстрингс... Такие отношения между владыкой и слугой далеко не только нам двоим присущи, а потому я ни разу не считаю вампиров утончёнными и благородными.

Выгляdim мы представительно, спору нет, но лишь на первый взгляд. Будто бы поголовно благородные дамы и distinguished джентльмены с богатым внутренним миром, выходцы из высшего сословия... Да только вампиры как раз принадлежат далеко не верхам, а низам, если не сказать — подпольным и тайным обществам.

Более того, вампирам недосуг устанавливать социальные связи.

Мы живём и царствуем в своих замкнутых общинах.

Я-от, опять же, хоть и живу в королевском Замке Трупов, а политической власти и влияния никакой не имею: я никем и ничем не могу управлять. Моя светлость всего лишь *gourmet* и не вникает во все эти премудрости.

Самонадеянный и притягательный вампир; правда-от, уверенность и харизму в рот не положишь.

Ох, как ж приятно прикончить да съесть кого-нибудь аппетитного, — в такие моменты внутри я гнуснее любого человека. Звучит как самоуничижение, но я могу порой и достоинством чутка поступиться: во всём остальном чувствую себя совершенно свободно.

Свободно в том плане, что в пищевой цепочке стою повыше людей.

И свобода моя разительно отличается от смирения, в каком Прекрасная принцесса прозябает.

— Ну что ж... Долгожителям, поди-ка, и не надобно никакой внутренней красоты, — услышал Тропикалеск мой вывод.

Да.

Всякая внутренняя красота, нравственность там, чувство справедливости, сострадание к слабым и гуманизм в целом (причём не только в отношении своего народа, но и к чужим тоже) пользы напрочь никакой не несут в контексте долголетия.

Хотя нет, чутка категорично...

Именно умение понимать других, язык находить общий — это и есть настоящий ключ к долголетию. Только всему есть предел.

Есть такая вещь, как чувство меры.

Порой надобно действовать грубо, подло, зверски, коли выжить хочешь. Вот хотя бы если человек, обращаясь в вампира, получит не только здоровое тело, но и здоровый дух, то он может не снести грызущее чувство вины: теперь-то бедняга должен жрать своих сородичей бывших, а если не выдержит — наложит на себя руки.

Выходит, духовная природа вампиров изначально груба. А может, это плата такая за вечную жизнь?

И люди могут жить, сохраняя достоинство, как раз потому, что век их короток?

Однако с такой логикой можно до того дойти, что самые прекрасные существа на свете — анималькули. Нет, надо оставить эти мысли до лучших времён и другими заняться.

Даже если бы мы с Тропикалеском всю жизнь положили на то, чтоб *дар очарования* развить, все равно бы не сдюжили: нам уровня Прекрасной принцессы никак не достичь.

И не важно, сколько веков коротать...

Ничего не поделаешь, беды тут никакой нет, хотя вдруг я так думаю как раз из-за кой-каких недостатков вампирских? Как ни крути, а с недостатками считаться надобно: именно они помогли мне сделаться примером для принцессы Ацеролы. Что тут говорить? Такой уж я вампир.

— Позвольте Вашему ничтожному слуге высказать сомнение: дело здесь нечисто, не правда ли, Суицидмастер? Ваша светлость уже некоторое время размышляет над чем-то с особым усердием... Неужто Вы погибли от голода, а я и не заметил?!

Какой пронизательный.

— Ещё раз, со мной всё в порядке! Сказано тебе — в порядке, значит, всё в порядке! — увиливать так увиливать, а всё равно моя ложь бросалась в глаза. — Что важнее, Тропикалеск, не разузнал ли ты часом что-нибудь полезное? А то, вишь, неясно, будет ли мой план успешен... И если предложение какое есть и сработает с высокой вероятностью — не молчи, выкладывай!

— Смиренно умоляю простить Вашего недостойного раба, Суицидмастер. С прискорбием вынужден признать, что докладывать не о чем. Я отправился на поиски знаний, однако же всё королевство вымерло...

«Снаружи такая беда, что и передвигаться свободно никак невозможно», — добавил мой слуга.

А мне казалось, он быстро слетает и вернётся, да-от, кстати, Тропикалеск-то ещё не умеет расправлять крылья... Так и путешествовал на своих двоих.

Маршировал, пробираясь чрез горы трупов.

Ну и тяжело ему, поди-ка, пришлось!

Надо бы воздать должное рабу моему, а всё ж нельзя благодарить за промашки...
Неудачников я не хвалю.

— Трупы начали разлагаться, посему Ваш верный слуга избавился ото всех, что были в поле зрения, так быстро, как только возможно: пожирал их, погребал, сжигал и всё прочее...

— На славу поработал! Так держать!

— ?

Язык едва повернулся похвалить его; это так удивило Тропикалеска, что он уставился на меня во все глаза. Похвала хоть и не заслуженная, а думаю, вряд ли раб ляпнет нечто в духе: «Подобных слов я недостойн».

В очередной раз убеждаюсь, что роль владыки не для меня. Абсолютно.

— Ваш недостойный слуга с превеликим трудом покончил с расчисткой дороги и ненадолго возвратился в замок. Теперь же мне следует расширить область поисков и двинуться в соседние страны. Раб Ваш неразумный замыслил отправиться на родину Прекрасной принцессы.

— Родину? Ты разузнал, откуда она?

— Нет, кроме сказки, Вашему слуге ничего не известно. Однако на примете есть несколько разорённых стран: одна из них, стало быть, её родина.

— Ясно. Может, и выгорит.

Скорее, нет: покамест идеи раба моего ни к чему не привели. Ладно, пусть Тропикалеск делает, что хочется. А я буду верить лишь в успех собственных планов.

То бишь поставлю всё на задачу, где нужно заставить принцессу Ацеролу *выглядеть в глазах других хуже, чем она есть*. По сути дела, те, о ком говорят: «На самом-то деле он хороший», как правило, свои хорошие черты показывают лишь изредка, но, думаю, принцесса, с её волевым характером, уж точно притворится как надо.

Все силы приложит для сохранения вкуса своего ради того, чтоб стать обедом одного вампира. В эту самую секунду барышня, поди, сидит в покоях да упражняется в грубости.

— Жаль-от всё-таки, что принцессу изысканней не подать, да ведь и не всё съедобное моют перед едой. Невзрачное на вид, говорят, на деле вкуснее всего. Главное в еде — вкус. Мякоть, сок. Среди людей даже вроде пословица ходит: важнее не внешний вид, а то, что внутри.

— Да, ходит, — подтвердил мои слова Тропикалеск. — И есть в ней определённая доля правды. Однако необходимо понять: что же замыслила Прекрасная принцесса?

— А-а? «Замыслила»?

— Не сочтите за дерзость, Суицидмастер, слуга Ваш и правда уверен, что план Вашей светлости увенчается успехом, Ваша мечта сбудется... и аппетит Вы удовлетворите, владыка. А ежели не увенчается, Ваша светлость придумает какой-нибудь другой трюк. Однако как только Вам улыбнётся удача, так Вы тут же вопьётесь клыками в тело Прекрасной принцессы, а ей сие ничего хорошего не сулит. Посему я никак не соображу: какова же истинная цель Прекрасной принцессы?.. Вы изволили подумать об этом?

— ...

И то верно...

Я на всё вокруг смотрю лишь своими глазами, мнений чужих не вижу, так что запросто могу втемашить себе что-нибудь в голову и понять не так. Принцесса Ацерола согласилась объединить усилия, но это ж не значит, что она съеденной быть хочет. Положить конец самоубийствам и разрушениям стран — вот чего она желала.

Скажем, её желание сбудется — и я съедаю её в тот же миг... Барышня что, неправильно приоритеты расставила?

Принцесса ещё и на союз пошла с нелюдью, даже в Замке Трупов поселилась...

Чего ж она добивается-то, а?

Примечания

1. «Характер» (*фукаку*) и «злая насмешка» (*фуси*) делят один иероглиф.
2. Эта мысль отсылает к одному китайскому изречению. В сборнике пословиц Конфуция «Кун-цзы цзя-юй» написано: «Если вода слишком чиста и прозрачна, рыба в ней не водится, а если человек слишком честен и непорочен, люди с ним не водятся».

Что толку гадать?

Считай, она просто хочет, чтоб её сожрали без лишнего шума.

Принцесса теперича не дорожит своей жизнью.

Барышня-то не из тех, кто лишь о шкурке своей думает, в то время как миллионы, а то и (в худшем случае) десятки миллионов жизней были отданы во имя неё.

В каком бы состоянии ни была принцесса, хоть на пороге нервного срыва, но её выбор не кончать жизнь самоубийством, а продолжать жить и странствовать, проблему не решит.

Как по мне, так самоубийство — отличный выход, только ей это видится бегством от проблемы, а не ответом на все беды.

Принцесса Ацерола считает, что помирать можно лишь тогда, когда она выход найдёт, который её устроит. А ещё, поди, думает, что закончить сказку о Прекрасной принцессе гибелью самой Прекрасной принцессы допустимо вполне и справедливо даже.

Такое, ясен пень, счастливым концом и близко не назвать — какому слушателю по душе придётся? — но сама принцесса верит, что у сказки, которая будет передаваться из поколения в поколение, должна быть хоть какая-нибудь концовка, хорошо бы только не внезапная, а чтоб дальнейшая судьба всех и каждого была расписана.

«Глупость!» — хотелось бы сказать мне, да-от негоже о предубеждениях девы так отзываться.

И вообще, только благодаря её логике я имею шанс вкусить первоклассной мясистой плоти, — тут надобно скорее благодарить принцессу за такие предубеждения... Однако кой-чего из той сказки всё никак покоя мне не даёт.

Нечто более драгоценное, чем жизнь.

Некое желание, за которое и жизнь отдать не грех.

Значит, это «нечто» неким идеалом должно быть, другого в голову не приходит... А может, это такая вещь, до которой своим умом вампиру всей вечности не хватит? Много пользы от вечной жизни!

Что ж тогда? Это мне глупость разум затмила, а не принцессе с её убеждениями?

Это у меня ни ума, ни красоты?

А пущай и так.

Всё это дело десятое: главное нынче плана держаться да Прекрасную принцессу преобразовывать. А то мне уж осточертело денно и ночью о человечешке заботиться, хоть я и рашу её не просто так, а на убой.

Владыке не пристало прислуживать.

Но и Тропикалеску перепоручить это дело нельзя; к слову, мой верный раб снова пустился на поиски знаний, так что, покамест под ногами не путается, надобно следовать плану по преобразованию.

Вообще, менять суть барышни не требуется; план мой, скорее, касается не преобразования, а приукрашивания, так?

То бишь того, как научить барышню подавать себя правильно, говорить и вести. Даже столовый этикет не обойду: будет есть без ножа и вилок, а ещё перейдёт на пищу грубую и бесхитростную, без затей и украшательств, насколько это возможно.

Что до одежд... покамест не определиться никак. Застряли на стадии проб и ошибок.

Изысканное и элегантное даже не рассматриваю, но вот излишне откровенные платья, юбки там с непомерными разрезами, только делу мешают: от этого добра у меня к принцессе влечение просыпается.

Соблазнительность так-то сравнима с красотой, да эффект не тот. Не того я добиваюсь всеми силами. Чай, надо бы одеть её, как говорят в обиходе, *n'est pas à la mode*¹, только и у меня есть какая-никакая эстетика. И ею я не поступлюсь, даже чтоб аппетит унять.

Думаю, и принцессе чувства эти не чужды.

Сколько раз попадались мне и не модные, и не слишком изысканные наряды — и не перечсть! Они могли бы подойти — и ещё как! — если б не сказывались на внутренней красоте принцессы... Да сколько можно-то? Подходящий наряд искать — сущее наказание!

Эх, есть ли ещё какие-то пути, которые мы с ней проглядели?

Все эти мысли день ото дня (хотя по ощущениям, ночь от ночи?) посещают меня, покамест я иду к покоям барышни, чтоб выдать ей харчи положенные да уроков парочку преподать. Сегодня, к слову, не исключение. Подхожу я, значит, к покоям её и без стука (с непривычки) дверь отворяю.

Не знаю, хвалить себя за это или проклинать...

А только зрелище пред Моей светлостью невообразимое открылось: стоит посередь покоев принцесса Ацрола и сотворить пытается нечто из ряда вон!

Что за притча! Барышня дрожащей рукой поднесла к лицу один из серебряных канделябров (раздобытых, поди-ка, здесь же), и уж вот-вот готова правый глаз остриём проткнуть!

Тот самый, который серебром сиял!

Соображаю я плохо, зато умею действовать без всяких соображений. В один миг случилось вот что: бросаю тарелку с харчами, собираю силы все свои вампирские да мощным рывком — к принцессе.

Правая рука выдирает канделябр, а левая пихает барышню, чтоб упала навзничь. Канделябр, кстати, попался серебряный — больно обжѣг руку. Ну как, не больше царапины.

Ладонь покраснела, как если коснуться горячего.

Принцесса же Ацерола, которую пришлось отпихнуть с прицелом, повалилась куда нужно: на постель.

— Су... Суицидмастер? — лёжа на спине, она с удивлением поглядела на меня.

Эй, это мне впору удивляться!

Аж кипеть от злости!

— Ты там белены объелась, что ли?! В замок, вспомни-ка, зачем пришла, а?! Чтоб жизнь потом впустую потратить?!

Странно слышать нотации от вампира, но в ту минуту слова вырвались сами: что на уме, то и на языке. Али у принцессы желаний никаких не имеется, чтоб можно было и жизнь ради них положить?

Меня взбесило даже не то, что усилия мои по выращиванию ценной скотинки на убой могли пойти прахом, а то, что девица вообще с жизнью расстаться собралась!

Только, кажись, не стоило спешить с выводами.

Со мной бывает, и частенько.

— Вы неправильно поняли, Суицидмастер, — принялась оправдываться принцесса Ацерола, поднимаясь с постели. — А, в смысле, ты худого не подумай, Суицидмастер.

Исправилась.

Чтоб грубее казаться.

— Я отнюдь не намеревалась, то бишь никак не хотела совершать самоубийство... Э-э, очокуриться... Просто подумалось, что кабы я выколола себе глаз, то походила бы на... Сошла бы за пирата, а это... ну... придало бы моему образу больше яркости и убедительности.

Вид мой грозный, кажись, совсем перепугал принцессу. Ещё недавно она говорила ладно и складно, точно старуха какая-нибудь, а тут опять запинаться начала, то и дело срываясь на высокий слог... Да и пуцай. Хоть объяснила, к чему такое членовредительство.

Придало бы яркости и убедительности, значит...

Так-то не у всех пиратов с повязками на глазу всамделишно не хватает глаза. Но если рассматривать поступок барышни звеном в цепи всех усилий, которые она предпринимала, чтоб цели добиться да красоту свою скрыть, то мне, стало быть, надобно похвалить её. Я же преподаю деве уроки грубости, и такая храбрость достойна уважения.

Только подумалось мне одно, а сказать пришлось другое:

— Чтoб дурь эту из головы выкинула, ясно?! Ценю твои усилия, да-от совсем некстати это было! Хвалю, что к цели идёшь, всё возможное делаешь, однако, выколов глаз, проблемы не решить.

— Н-но почему?

Вот так вопрос! Надо было скоренько выдумать причину, чтоб любопытство её поумерить. Вышло не очень, как за уши притянуто.

— Будь ты вампиром бессмертным, как я, ещё ладно, но ты ж человек, а люди не способны опосля травм тяжёлых оправиться. Как бы тебе ни хотелось яркости и убедительности придать, что бы ты ни выдумывала про себя, а всё одно — *ложное впечатление* создай, это всего лишь *притворство*. Что случилось бы, коли и впрямь причинила бы себе непоправимый вред? Не стал бы твой поступок смахивать на жертвы всех тех, кто отдал жизнь во имя тебя? Нельзя тебе ничем жертвовать, чтоб Прекрасной принцессой не быть. А то чем это от смерти отличается?

«Это бегство от проблемы», — принцесса Ацерола как-то обмолвилась об этом, выдала похожую фразочку, ну а моё дело припомнить да замечание вдогонку бросить.

— Вы правы... Вы совершенно правы! Я глубоко сожалею, Суицидмастер! Позвольте мне обдумать своё поведение! Мне так жаль! Прошу, простите меня!

Даже я неловкость какую-то чувствую, когда вижу Прекрасную принцессу такой подавленной... Нет, это, скорее, вина. А вина ничего хорошего не сулит. Недолго и с жизнью расстаться.

С барышни, поди, покамест хватит, можно и тему перевести:

— Опять ты малость окультуриваешь свою речь. Даже не так, опять она не очень-то малокультурная.

— Вы правы... Твоя правда. Сплоховала я, Суицидмастер, — надменно согласилась принцесса Ацерола и уселась, как надо... Точнее, как *не* надо в приличном обществе.

Да, вот так хорошо. Или надо бы сказать, что совсем плохо? Буду голову ломать, совсем запутаюсь.

— Фух...

Уладив дело, можно было и вздохнуть с облегчением да покои принцессы оглядеть: всюду царил бардак. И грязь.

Ещё свежи воспоминания, как раньше комната была обставлена, а теперича вон и канделябры не на месте, и мебель сдвинута-передвинута... Опрокинута, ножки торчат, и ещё черт знает как повёрнута!

Сперва подумалось, это вихрь от рывка моего смел убранство покоев, но всё было иначе: принцесса Ацерола, видать, расстаралась.

Ещё одно звено в цепи её усилий?

Кажись, учинив такой бардак, она и пыталась *выглядеть хуже, чем есть на самом деле*... Ну что ж, комната теперь такая, что язык не повернётся *красивой* назвать.

Хоть принцесса и сбивается порой и не по той дорожке идёт, а всё-таки прилежна и усердна.

Даже как-то печально, что рвение её покамест обратный результат даёт.

Порочный круг какой-то! Выбрала, решила, как себя вести, чтоб, как ей казалось, убийств избежать, а вот оно как — люди всё равно мрут и мрут!

Ничего не попишешь.

И вот оглядываю, значит, покои свежим взглядом, как вдруг на мысли себя ловлю: даже в бардаке этом есть какой-то определённый порядок. Мебель опрокинута, пододвинута по закономерности, равномерно.

Талант не спрячешь.

Кто-то заметил бы даже: к этому хаосу приложил руку гений.

Да уж... барышне предстоит долгий путь, тотчас ей не измениться. От этой мысли Мою светлость разобрал смех:

— Ка-ка!

— Вы... Вы находите что-то забавным?

Судя по тону принцессы Ацеролы, смех мой её раздосадовал. А я знай смеюсь над одной забавностью. Хотя тут впору отчаиваться: барышню такой длинный путь ждёт, что не смешно даже.

— А, да я ж просто указую, как смеяться надобно. Пример, как добавить яркости и убедительности твоему образу; прямо то, что нужно!

Конечно, это всё уловка, чтоб не отвечать как есть, однако она же натолкнула на мысль, что мне ни разу не выпадал случай заметить улыбку принцессы.

Ни улыбки не помню, ни смеха.

В общем-то, помню я всё... Окромя тех моментов, когда моя же рука меня убивала, стоило кинуться на принцессу. Чёрт его знает, улыбалась ли барышня тогда, но с трудом верится, что при таком леденящем кровь зрелище её лицо озаряла улыбка, украшая уста.

Смеяться и глядеть на то, как кто-то кончает со своей жизнью — поведение уж слишком аморальное, одним лишь вампирам свойственное.

— Да смеёшься ли ты вообще?

Так-то барышня скупа на эмоции.

Гримас от неё не дождёшься, за вычетом удивления и смущения. Или она нарочно притворяется?

Или там правила этикета какие требуют от аристократок эмоции прибирать? Мысль, пожалуй, дельная, однако дела обстояли иначе:

— Ежели я по оплошности своей посмеюсь, то принесу очередной стране погибель, — промолвила принцесса Ацерола.

И ведь сказала как есть, без преувеличений!

А чего тут удивляться? Барышня привыкла держать эмоции при себе, ведь перепады её настроения отнимают людские жизни... Принцесса, сама того не зная, силилась из всех сил, чтоб красоту свою скрыть, и не надобны ей были мои предложения и советы.

Только вот запрет на смех, кажись, серьёзно омрачает ей жизнь. Боюсь, нервные переживания плохо скажутся на вкусе её мяса. Надобно тогда что-нибудь да предпринять в ответ.

— Так вот, принцесса Ацерола, отсель смейся по примеру, какой уж показан тебе. Смех тот далёк от любого понятия прекрасного.

— Т-тот смех — это который «ка-ка»? Вы... Ты об этом?

— О нём, родимом! Вот так надо: ка-ка́!

— Ка-ка!

Принцесса Ацерола пушай и выдающаяся ученица, а всё одно: с внезапной и беспричинной просьбой справиться не сумела. Не улыбка у неё вышла, нет. Как будто лицо судорогой свело. Ну, для первого раза сойдёт.

— Прекрасно. От такого уж точно никто не помрёт.

— По... Покорнейше вас благодарю! В смысле, плёвое дело! Ка-ка!

— О, теперь всё верно делаешь, принцесса Ацерола! Точнее, неверно. Пойду сварганю и принесу тебе ещё харчей, а ты покамест упражняйся.

И вот даю я наказ барышне, удаляюсь потом из покоев в коридор, чтоб тарелку с харчами подобрать, а она, глянь, не разбилась, хоть и пришлось её на пол бросить перед рывком.

Только всё съестное на полу.

Неописуемые чувства.

Моя светлость...

Аж слов не подобрать!

Обида ела, знамо! Ну ещё б! Столько стараться — и всё пропало! Но в то же время во мне зрели и другие чувства...

Но нет, всё-таки заставлять барышню подбедать харчи с пола — уж очень жестоко... Ладно, обойдёмся без этой дикости. Покамест.

Если всё-таки решусь приказать, то наверняка сущность её затрону.

Обличье и характер.

В случае принцессы одно от другого не отделишь...

Кто-то посчитает их неделимыми в принципе.

Вообще, девица эта и глаз себе уж выколоть готова, так что прикажу — не замешкается. Да только тогда мои наставления можно будет расценивать не как поучения, а как издевательства. Перегну палку — и вернётся мой «наступ» сторицей.

— Ай...

Соскребаю тут еду с пола и правой рукой случайно цапаю что-то — ожог на ладони тут же напоминает о себе болью. И пусть я бессмертный вампир, но раны от серебра исцеляются долго.

А раз желудок мой давненько пустует, то времени потребуется больше обычного.

Н-да (на удивление, в голове стала крутиться избитая фраза, и тем не менее скажу...), печься о принцессе — настоящая мука.

Жаль-от, нельзя оставить её запечённой не до готовности, да?

«Может, стоит убрать от греха подальше из покоев барышни все острые и заточенные предметы... М-м?» — и тут мне на ум блестящая мысль пришла.

А ведь и правда: на правой руке красуется ожог, тогда как на левой нет ничего. И это при том, что она-то и толкнула принцессу Ацеролу?

Ни царапины.

Никакого воздаяния.

Рука невредима.

— ?

Али не зачлось как нападение потому, что принцесса угодила на пуховую перину? Кажись, так.

Но даже если причина такова, то, выходит, мне просто свезло и не надо думать об этом как-то иначе.

Любое неосторожное прикосновение к барышне сулит мне гибель.

А надобно всеми силами избегать смерти.

Я хоть и вечно молодой и долгоживущий вампир, но без конца умирать не могу.

За дверьми раздался неуклюжий смех:

— Ка-ка!

Пф-ф...

Немало времени, как видно, уйдёт на то, чтоб принцесса обучилась как следует и могла разразиться таким же крутым и сильным смехом, как у меня при настроении хорошо... От мыслей этих на лице сама собой расплылась счастливая улыбка.

Примечания

1. Не по моде (*франц.*).

Кажись, мне снова умереть пришлось.

И снова с голодухи.

И снова на троне.

Однако на этот раз Тропикалеск поймал меня с поличным.

— Не во гнев будет сказано, мастер, но молю, оставьте сие безрассудство! Ради всего святого, отобедайте хоть чем-нибудь! Ежели Вы и сейчас, пребывая в столь плачевном состоянии, изволите настаивать, что ничего кушать не будете, то снесите Вашему недостойному слуге голову с плеч!

Он с таким жаром набросился, что аж позабылось замечание ему сделать, чтоб меня, владыку, не каким-то там «мастером», а «Суицидмастером» величал.

Негоже нынче поучениями разбрасываться.

Тропикалеск дело говорит.

Да так ладно и складно, что аж тошно.

— Сколько же раз Вы уже опочили смертным сном, покуда раб Ваш не видел?! Столько смертей... столько смертей и Вам тяжело вынести, хоть Вы и смертеготовый, неизбежносмертный, неотвратимосмертный вампир!

Вот не надо меня воспитывать!

Хотя стоит признать, что резон в его словах есть, а всё-таки от харчей откажусь. Желудок мой жаждет одной Прекрасной принцессы.

Моё решение.

Поначалу это только прихоть была, а потом уж делом чести сделалось, поступиться никак теперича нельзя. Коли принцесса моей первой трапезой не станется, буду уж я не я. И себя Суицидмастером величать не смогу.

О как пожрала меня эта страсть, этот каприз!

Бывший Суицидмастер... Нет уж, так представляться не стану!

— Да как ж тут отступишь сейчас, Тропикалеск?! Ты хоть представление имеешь, сколько в барышню-то вложено? Моей светлости аж вымуштрованным лакеем сделаться пришлось! Тем, что печётся преданно и неустанно! Зато верным путём наконец-то иду... В смысле не лакейства, а приготовления барышни. Надобно лишь *толику* терпения... Глядишь, и преуспею вкусить первостатейное лакомство!

— И как много времени потребуется на Вашу «толику»?

Тропикалеск и сам-то прекрасно вымуштрованный лакей, преданно и неустанно пекущийся о Моей светлости, но в эту ночь верный раб был особо неумолим.

Стоял на своём, хоть прямо и твёрдо было сказано-пересказано, что владыка его с выбранного пути не сойдёт.

— Скажите, Вы поистине вознамериваетесь отведать Прекрасную принцессу или же попросту лукавите?

— Чтоб без грубостей тут мне!

— Так поспешите же снести вашему верному рабу голову с плеч, ежели словам моим Вы внять не изволите!

Тропикалеск талдычил одно и то же.

Прислуга просит об услуге.

Вот же наивный хитрюга!

По идее-то, он от чистого сердца желал, чтоб его сожрали, но рисковал услышать от меня отказ, дескать, я ни в жисть не смогу поступить с тобой подобным образом. Относиться к словам слуги всерьёз мне так-то несподручно.

Тропикалеск вполне представлял, что у меня за принцип — я ем тех, кого убиваю, — а потому рвался насолить мне всячески, чтоб владыке захотелось прикончить его и слопать.

Нахальный пройдоха!

Да я в полном восторге!

Неужто думает одурачить меня по мановению руки?

Да мне и руку-то его жевать не хочется!

На первое у меня будет принцесса Ацерола — и точка!

— Отчего бы Вам не вкусить плоти принцессы сейчас? Полагаю, на подготовку Вы истратили достаточно времени?

— Тебе о чём говорено-то: надобно лишь толику терпения! Принцесса и так уж изрядно приправлена, да вот пресность всё даёт о себе знать. Не желаю на ровном месте споткнуться, раз такой путь проделан. Осторожничать ныне разумно вполне, коли барышню до готовности довести надобно. А иначе что из этого выйдет?

— При всём уважении, мастер, молю Вас ответить честно: уж не привязались ли Вы к сему человеку, покуда заботились о нём? — спросил Тропикалеск. Слова у того расходились с делом: ни капли уважения в голосе!

А ещё силился бросить владыке взгляд посуровее!

— И как прикажешь это понимать?

— Ваш покорный слуга спешит осведомиться, намерены ли Вы и далее держать Прекрасную принцессу в Замке Трупов, подобно ручной зверюшке? Будьте милостивы — скажите, что я не прав!

Ты не прав!

Ещё чего!

А то что бы это значило? Что Прекрасная принцесса пленила меня красотой? Да она лишь провиант, и довольна с неё!

На убой ращу!

И вот скажи я слуге всё это прямо и с достоинством, сумею настоять как нужно, так тот бы, поди, принял слова за истину... Да у него, почитай, и выбора-то нет, окромя как верить!

Такова участь слуги — без права на выбор жить.

Стало быть, этак и следует ему передать.

Ради его же блага следует успокоить Тропикалеска, как подобает владыке — а он так уповает на меня! — коль скоро я не собираюсь сносить ему голову с плеч.

А всё ж и этого не могу!

Моей светлости недосуг было размышлять о других вещах, но раз уж Тропикалеск обмолвился, то думается, что жить с принцессой не так уж плохо...

Позор на мою голову!

И с чего бы мне терять самообладание, глядя, как принцесса Ацерола глаза себе колет? Отчего бы в улыбке расплываться, от мыслей смущаться, коли знаю, что до конца моего плана по приукрашиванию Прекрасной принцессы ещё немало времени пройдёт?

Что тут гадать — ответ ясен вполне.

Стыдоба! Даже слуга приметил, как не в силах я должным образом оценить, что для меня важно и первостепенно. И что, покуда ращу принцессу на убой, само действие, сам процесс пришёлся мне по вкусу. Отрицать свои чувства уж невозможно.

К тому ж Тропикалеск, должно быть, давным-давно заприметил ожог на правой руке, какой получен от серебра. А коль приметил, оправдывайся али нет — уже не поможет.

А потому слуге было грубо сказано:

— Не твоего ума дело! Докладай уже, что раздобыл! Исполняй свои прямые обязанности, Тропикалеск Хоумэвэйв Догстрингс!

Не дело так говорить, а всё-таки отвертеться удалось.

— Мои поиски не увенчались успехом... Как Вы понимаете, я отправился за пределы королевства и по пути наведалься на родину Прекрасной принцессы, но...

Даже недовольство не удосужился спрятать, однако ж повиновался. Раб хоть и непокорный, манеры неподобающие, а не плутует: кабы он нашёл способ, как просто слопать Прекрасную принцессу, давно б известил меня.

А я-от тот ещё плут.

— Всякий, кому приходилось слышать о Прекрасной принцессе, стремится отдать жизнь во имя её... Положение таково, что предотвратить их самоубийства не представляется возможным; я даже новых слухов почти не разузнал.

Вряд ли слуга мой подыскивал себе оправдания.

Скорее, уж я их ищу... Оправдываюсь перед ним всё чаще и чаще.

Нет, какие уж оправдания?

Попытка скрыть конфуз.

Непозволительно для вампира!

— Даже так? Ну что ж, я чаю, надобно теперь сосредоточиться на текущем подходе.

«Благодарю за службу», — вот что сказано было Тропикалеску вдогонку, пусть и хвалить не за что, результатов-то нет, а только он как будто остался недоволен моим расположением.

Хорошо хоть радость не приметил: на лице моём улыбка расплылась при словах о текущем подходе. Или приметил?

Неловко будет, а потому следовало напирать и напирать, чтоб не заострил внимание:

— Вот ты говоришь: почти не разузнал. Стало быть, хоть маленько, да раздобыл знаний-то?

— Ну... — замялся Тропикалеск. — Ежели можно так выразиться. Впрочем, всё это точно детская сказка, и всерьёз извещать Вас о подобном было бы чрезвычайно неосмотрительно.

— Сказка? Так ведь это-то и нужно! Прекрасная принцесса сама прямиком из сказки!

План выбить проклятье другим проклятьем провалился, вот и зародилась надежда, будто сказке противостоять может лишь другая сказка.

— Давай-ка, поведай мне! — от слуги требовался ответ не потому даже, что идея могла оказаться недурственной, а скорее, чтоб приободрить удручённого Тропикалеска. Но слуга-от, кажись, нашёл мою заботу неуместной.

Видать, совсем какой-то пустяк, раз Тропикалеск предпочёл умолчать о нём. А я возьми и насильно заставь раба объясняться!

— Сие не какая-то определённая сказка, а расхожее преданье: оно встречается во фольклоре многих народов, — завёл Тропикалеск (н-да, «расхожее преданье». Вот как чуялось, что пустяк бесполезный). — Так уж повелось испокон веков, — продолжал он, — что снять проклятье, терзающее принцессу, может лишь поцелуй принца.

— Ка-ка!

Погодите-ка!

А мне что делать-то?!

На троне-то я хоть и восседаю, но какой из меня принц?! Я ж чудовище!

Коли энтот «поцелуй принца» — единственный способ побороть дар, или проклятье, или что там ещё наложено на Прекрасную принцессу, то мне — воистину! — остаётся только признать собственную немощь.

У всей истории — или, точнее, сказки, — поди-ка, был бы и впрямь картинный исход, кабы скитания принцессы Ацеролы привели её к встрече с принцем, однако ж с трудом верится, будто где-то на белом свете взаправду живёт принц, готовый с барышней увидеться.

Мне бы на месте принца такое и в голову, ясен пень, не пришло.

Какой дурак принял бы у себя принцессу, способную погубить целое королевство? Этому принцу явственно б не доставало здравомыслия в делах государственных.

Такого и на пушечный выстрел к трону не подпустишь.

Авось и жил бы где столь дурной — вернее, беззаветный — принц, согласный подсобить барышне да ещё родину оставить, верноподданных предать, но вот принцесса-то на такое пойти была б несогласная: умонастроение у принца уж больно опасное.

Принцесса-то и сама шла путём самопожертвования, и это, наряду с безоглядной самоотверженностью, какую проявляли к ней окружающие, приносило деве истинные страдания.

А кабы и взялся, пущай и супротив воли, за энтот подход, так, значит, надобно, как подобает вампиру, принца какой-нибудь страны умыкнуть, в Замок Трупов притащить да принцессе Ацероле представить.

Они познакомятся, а там, глядишь, не одну только принцессу на убой растить буду — целый выводок; к тому ж я теперь так стряпать люблю, что этак впору и кабачок открывать! А что? Казалось бы, здравая мысль.

Но как тут ни крути, а такое решительно супротив интересов моих. Не хочется как-то видеть принцессу Ацеролу, связанную узами брака с каким-то приبلудшим прекрасным принцем.

Глядите, о каких только глупостях думаю!

Не счесть, сколько раз уста мои обещали: «Я убью тебя!» — однако сказать: «Я спасу тебя!» — мне в голову даже как-то не приходило.

А что это вообще — спасать?

Вот пожирать — это про меня, но спасать — нет¹.

А может, мне и вовсе, точно ведьме какой, всего-то и нужно, что держать принцессу Ацеролу узницей замка, покамест она не издохнет?

Притвориться ведьмой... Играть с принцессой в семью.

Оно, конечно, неплохо...

Вряд ли Тропикалеск задержал лишь потому, как уловил, что таится за моими словами, но так-то я и правда кое о чём размышляю украдкой, и эти неявные желания никакими словами не выразить, однако знаю одно: моему верному рабу такое бы по душе не пришлось.

По сути, мне не впервые понравился человек. Тропикалеск вон тоже из людского племени, но я ж держу его подле себя.

Так-то Прекрасная принцесса никакое не исключение. Случается же, что того, кого поначалу хочется лишь убить да сожрать, ненароком рабом сделаешь. Считай, такая вот склонность, а лучше сказать «вампирская скромность».

Нередкое явление.

Да ведь и человек нередко прикипает душой к скотине, которую на убой растит, и чем дольше растит, тем труднее подвести под нож, а иной и вовсе отказывается, не может... Среди людского племени вроде даже встречаются те, кто лишь до овощей охочие, не желающие принимать мясо ни в каком виде.

Тропикалеск-от гордится тем, что он мой единственный раб, презирает людей, считая их тварями ничтожными — его неприятие ничуть не удивляет меня, — однако, если вдуматься, слуге, можно сказать, ничего не грозит.

Опять-таки Моя светлость может привязаться к принцессе Ацероле и даже перестать находить её своей пищей, но на этом-то и всё.

И как бы Прекрасная принцесса ни опутывала меня чарами, а я так и так не собираюсь делать её рабой.

Точнее, не могу.

Не выйдет.

Для вампиров всё, в сущности, едино: что принимать человека в пищу, что сотворять из него раба — впиваешься клыками в плоть да сосёшь кровь.

И либо высасываешь до последней капли, либо оставляешь недопитым.

Вот и все отличия.

Я ж и притронуться к принцессе не могу, так что не судьба мне обратить её рабой. А значит, Моей светлости единственно остаётся держать барышню узницей замка до самой её смерти.

В таком разе она протянет всего-то пару десятков лет.

Не стану говорить, дескать, и ахнуть не успеешь, как она помрёт, но для вампиров — существ, наделённых вечной жизнью, — это и в самом деле короткий срок. И ничего с Тропикалеском не делается — переживёт.

Всего-то пару десятков лет.

А то, гляди, и ещё меньше окажется.

Ну не буду же я вечно ухаживать за человеком, правильно? Яснее ясного, что Моя светлость не имеет никакой возможности превратить принцессу Ацеролу в рабу свою, и точно так же понятно, что однажды барышня мне попросту опостылеет.

И тогда я в тот же час освобожу её из замка и выпущу на волю, коли решу, что возиться с ней у меня сил нет, — освобожу, точно сниму цепь с собаки, которую более не желаю во дворе держать.

Соглашусь: это безответственный шаг, но погодите, никакую ответственность мне брать и не хотелось. И уж точно прав на принцессу Ацеролу моя сторона не заявляла.

Да и к тому же барышня сама может разочароваться во мне, однажды заклеивив бесполезным вампиром, и засобирается в путь. И тогда уж я, по сути, никак не смогу удержать её в замке.

Любая сила или дар бессильны пред лицом сей красоты.

Принцесса Ацерола снова продолжит скитаться по странам — те так и будут рушиться одна за другой. Движимая благородным чувством долга, барышня, поди, и не осмелится прервать своё пилигримство, хоть тем самым и может повлечь за собой вымирание всего рода людского.

После чего вампиры начнут явственно испытывать нехватку пищи и исчезнут вслед за людьми.

Не хотелось бы доводить до такого, но, коль скоро ничего с этим поделать нельзя, остаётся только смириться с безысходностью положения.

С неотвратимостью судьбы.

Заведомо ясно одно: можно лишь уповать на появление великодушного принца... Так, ну всё, хорош рассусоливать — бесполезное дело!

Не хочу сказать, будто всё, одно у меня лишь смирение, раз не в силах отведать плоти барышни. Тропикалеск хоть и недалеко ушёл в своих выводах от правды, но я-то не зарекаюсь: может, голод возьмёт своё, коли принцесса Ацерола дойдёт до готовности и станет съедобной.

Да, барышня покамест не готова, чтоб можно было съесть — пушай помаринуется ещё какое-то время, — однако ж я не считаю, будто иду неверным путём.

Надо бы разобраться в чувствах, попутно выискивая другие варианты.

А, кстати говоря.

Кстати говоря...

Время пришло! Пора бы определиться с новым имечком для принцессы. Уж для этого девица точно созрела... Не дело откладывать на потом да на потом. Идеи-то у меня хоть поиссякли, но нельзя ж бросить всё так! Надобно разжиться вдохновением и решить вопрос разом!

И всё же какое бы имя больше всего подошло барышне, чьё сердце красиво, точно диковинный меч Востока, и сверкает зеркальной гладью, отражая лучи солнца? О, между прочим...

Глупо думать, будто какой-то поцелуй снимет с принцессы проклятье, однако вставить в её новое имечко само слово — *kiss* — вот так идея! Похоже на суеверие, но вдруг сработает как оберег?

Примечания

1. Слова «пожирать» (*куу*) и «спасать» (*сукуу*) несколько созвучны.

Кажись, мне снова умереть пришлось.

Снова с голодухи.

Сколько же раз так было? Не счесть!

Измаешься тут, от голода помирая, да-от поделать с этим ничего нельзя, как бы страшно ни опостылела смерть. И помираю-то всё чаще и чаще.

Я, как и прежде, плохо припоминаю моменты самой смерти, но чутьё подсказывает: в минувшие дни голод съедал меня по два-три раза за ночь.

В сущности, возвращаясь к жизни, обычно чувствуешь себя полным сил, а тут только прихожу в сознание — ба! — уж усталость, аж мышцы свинцом налились. А всё от того, что тело измождено частыми смертями. Видать, нельзя мне более поститься.

При таком-то плохом самочувствии, почитай, не дело печься о человеке: на ногах ещё держусь, но явно не нынче-завтра и о себе позаботиться не сумею.

В самом деле...

Я пропащая душа.

Ох-ох-ох.

Так сходу и не вспомнить, что случилось накануне смерти, но есть одно средство: зарыться пальцами в золотистые волосы да полохматить их в исступлении и так и сяк, — тогда что-нибудь да прояснится. Что ж, сказано — сделано...

О, точно, я помню!

Смерть застала меня врасплох, покамест новое имечко для принцессы Ацеролы придумывалось... Н-да, пронесло! А то такое первостатейное, с большим трудом придуманное имя чуть было не вычеркнула из памяти смерть, а с ним и знание о первопричине моей гибели — голоде.

Признаюсь: обсуждать новое имечко для барышни с *самой* барышней не хотелось, однако пришлось, и опосля обстоятельной дискуссии мы выработали чёткие условия, каким оно должно подчиняться, *чтоб быть не сильно утончённым, но и не слишком вульгарным* — прямо таким, как надобно, и, думается мне, дело заметно продвинется, коли немедля ошарашить деву новым именем.

Не помешало б ещё разок попробовать слопать её. Чем чёрт не шутит! Хотя б покажу Тропикалеску свои стремления, а не то послужу дурным примером.

— ...

И тут...

Бросилось в глаза...

Бросилось, но поздно... Слишком поздно.

Котелок-то, гляди, совсем не варит от недоедания... Где же Тропикалеск?

Где мой слуга?

Мой верный раб, окончив странствовать в поисках знаний — его скитания оказались почти что бесплодными, — должен был остаться в замке да за мной присматривать, а не то вдруг помру опять?

Да тут что присматривай, что нет, но погибель-то мою не отвратить (смерть-то от голода), а всё-таки Тропикалеск неизменно сидел у моего трона, преклонив колени и ожидая, когда же я в чувство приду.

Признаю: отношения наши испортились, а всё из-за принцессы Ацеролы, однако слуга всегда приходил посидеть, подождать моего возрождения.

На всём белом свете не сыскать раба более преданного.

Но теперь я даже присутствия его не чую.

Тропикалеск, видать, покинул замок; по делам ушёл? Отправился ради меня на поиски новых знаний? Решил проверить свои соображения? А может, слуге осточертело смотреть на глупость владыки, его терпение иссякло вконец и он удрал?

Нет...

Всё предельно просто: если я, владыка, не ощущаю присутствия Тропикалеска, своего раба, это не значит, что его нет в замке или в окрестностях... Это значит, что его *нет в принципе*.

Другого объяснения быть не может.

Нечего тут объяснять.

Сбылось худшее из мыслимого.

Мой раб, мой слуга...

И мой друг... Тропикалеск...

Я не ощущаю его присутствия... Куда он делся?

Что натворил?

Вскакиваю с трона... сразу бежать...

«Сделай, а потом уж думай».

Нет, думать уже ни к чему.

Даже не смей думать, что там и где натворил этот вампир, бывший когда-то человеком. Не думай, что случилось с ним.

Не надо...

Не хочу...

Принцесса Ацерола, растерянная и безмолвная, застыла столбом.

Платье на ней, пошитое по моему заказу, залило красным сверху до низу, точно таким оно и было задумано. Однако красным залило не только платье, но и покои принцессы. Они пропитались багрянцем.

Пол, стены, потолок.

Всё было в ошмётках плоти Тропикалеска.

Он разлетелся на куски.

Его голова, челюсть, шея, плечи, локти, кисти, пальцы, ногти, грудь, спина, живот, поясница, таз, бёдра, колени, голени, ступни, кости, сухожилия, мышцы, артерии, вены, сердце, желудок, лёгкие, кишки, печень, зубы, язык, губы, нос, уши, волосы, глаза...

Его золотые волосы, золотые глаза...

Те самые сияющие золотом волосы и глаза, какие он получил в дар от меня... Он разлетелся во все стороны, столкнувшись с принцессой.

Иначе не описать.

Никто, кроме меня, и не узнал бы, *что это... что эти ошмётки* и есть Тропикалеск Хоумзвэйв Догстрингс.

Что ты натворила?!

Да ты соображаешь, какого достойного мужа угробила?!

У него было такое приятное личико, что не грех подле себя держать для красоты... Да мне и не надобно ничего и никого, лишь бы он был рядом!..

Мой единственный раб...

— Суицидмастер... — потрясённая случившимся, Ацерола позвала меня по имени.

— Не нужно слов.

Молчи.

Всё и так ясно.

Помню первую попытку съесть Прекрасную принцессу — а случилось это, вестимо, в той ветхой лачуге, где дева ранее ютилась, — тогда меня, надобно полагать, точно так же разнесло на куски.

То бишь...

Яснее ясного, *что* Тропикалеск силился сотворить с принцессой Ацеролой и *чем* ему это воздалось: покарал сам себя своей же рукой.

Мой верный раб не мог более выносить того, что глупость затмила разум его владыки.

Но поступил он так не оттого, что устал от меня.

А оттого, что всего-навсего желал изничтожить виновницу моей глупости. Слуга попытался убить принцессу Ацеролу, к которой я привязанность чувствую то ли потому, что лакомство в ней вижу, то ли по какой другой причине.

Сам он повелений никаких не получал, — это уж разумеется.

Какое там! Слышал же от меня, чтоб и не думал приближаться к принцессе Ацероле! Тропикалеск должен был смекнуть, как опасно даже подойти к барышне!

Вопреки этому мой верный раб аж воспротивился воле владыки, лишь бы отправить принцессу Ацеролу на тот свет! Ослушался ради моего же блага.

Поступил наперекор всему.

Хоть рабам отказывать в повиновении не положено.

— ...Скажите на милость, он оживёт, ведь правда? Поскольку тоже вампир, как и вы? — принцесса Ацерола спросила об этом робко. В старой манере. Даже багрянец с щёк не отёрла.
— Сей господин уже совсем скоро вернётся к жизни, да?!

— ...

Отвечать ей — ни малейшего желания.

Как и правду признавать.

Только-от правда всегда остаётся правдой, нравится она или нет.

— Не оживёт, — вырвалось у меня. — Он хоть и вампир, да не такой же, как я, а бывший человек — жизненные силы его да умение восстанавливаться далеки от моих бесконечно.

— Как же так...

Жалеть принцессу Ацеролу (ясно как день, ею овладел ужас) — непозволительная роскошь... Ну в самом-то деле, на что ей всю жизнь — долгую ли, короткую ли, — оставаться такой малодушной, мягкотелой? Эдак же и смысла нет!

Замечу между прочим, что для принцессы Ацеролы смерть Тропикалеска, небось, выглядела предательством с моей стороны.

Ведь барышня даже смирилась с тем, что пойдёт мне на корм, прервала скитания и безропотно повиновалась, однако же, вопреки моим заверениям, мол, никому умереть более не придётся, коль скоро она в замок переберётся и моей воле покорится, ещё одна жизнь разбита вдребезги, а с нею и наши совместные чаяния и усилия, безусловно порочные и безрасчётные, — вот каких вещей Прекрасная принцесса стала свидетелем.

Но её, добросердечную, несколько не волновало, кем был Тропикалеск на самом деле: человеком или чудовищем, и даже то, что он покончил с собой вовсе не из-за мечты преподнести ей в дар свою жизнь.

«Грустно, когда кто-то умирает. Противно, когда гибнут страны!» — говорила мне она... Говорила принцесса Ацерола.

— Суицидмастер... Неужели каждая новая смерть приближает тот час, когда и вы тоже насовсем умрёте?

— Да. Не могу ж я умирать бесконечно.

Всему есть предел.

Даже бессмертию.

Чтоб не тревожить понапрасну принцессу, пришлось умолчать, как постоянные смерти точат мои жизненные силы, что запас почти уж полностью исчерпан и что скоро я до грани дойду. Впрочем, барышня прозорлива от природы: чай, догадалась и без лишних слов.

— Я покидаю вас, — сказала принцесса Ацерола, как отрезала: решительно и неумолимо. — Примите сердечную благодарность за вашу доброту, Суицидмастер!

— Погоди! Чтоб одному насытиться, другому надобно помереть, — так заведено в природе! Погибель Тропикалеска — не твоей совести дело! Моя печаль, не твоя!

— Тем не менее я опечалена — как же иначе?! Сей господин остался бы жив... ежели бы я не заявила сюда!

Молвит-то она верно...

Но что бы принцесса Ацерола... Что бы Прекрасная принцесса ни говорила, идти ей всё одно некуда, так?

Ну куда она денется, покинув замок?

Али барышня не оставляет за собой везде, куда бы ни заявила, горы трупов и реки крови?

Неужто ей хватит духу скитаться бесцельно, зная притом, чем это грозит? Неужто она будет скитаться до самой смерти?

И нести смерть другим, покамест сама не помрёт?

Надобно задержать её.

Единственно, я не представляю как.

Грубой силой? Вернётся сторицей, а принцесса захандрит пуще прежнего.

Казалось бы, что такого — всего лишь ещё один крошечный повод, помимо прочих, однако барышне всё одно и всё горестно. И даже мелочь не обойдёт вниманием.

Знать, тут уж моих сил не хватит.

С самого начала не по зубам...

Пища не по зубам, женщина не по зубам...

— Полагаю, вы и сами всё прекрасно понимаете. Что же, позвольте мне откланяться, Суицидмастер. Вероятно, мы с вами более никогда не увидимся.

— Ну что ж, ладно. Держать не буду — поступай как знаешь. И всё ж не сочти за труд повременить чуток. Не шевелись, покамест я с трапезой не покончу. А то не хочется, чтоб столь драгоценную пищу затоптали.

«Только я могу топтаться по моему рабу», — это последнее, что услышала от меня принцесса Ацерола перед началом трапезы.

Мои руки потянулись к ошмёткам плоти Тропикалеска.

К его голове, челюсти, шее, плечам, локтям, кистям, пальцам, ногтям, груди, спине, животу, пояснице, тазу, бёдрам, коленям, голням, ступням, костям, сухожилиям, мышцам, артериям, венам, сердцу, желудку, лёгким, кишкам, печени, зубам, языку, губам, носу, ушам, волосам, глазам...

К его золотым волосам, золотым глазам...

Потянулись к моему верному рабу, что с такой страстью желал накормить владыку... К моему верному рабу, что с такой страстью желал накормить владыку самым своим существом.

И вот, столкнувшись лицом к лицу с суровой действительностью — Тропикалеск разлетелся на куски точно так же, как и я при первой попытке слопать Прекрасную принцессу, — стою и чувствую нечто невообразимое. Смерть верного раба означала то, что выращивать, пестовать принцессу было бессмысленно, — это не возымело никакого эффекта.

Приукрашивание и прочее — всё без толку.

Что пользы изменять наружность барышни? Выдумывай сама дева о себе невесть что или не выдумывай, притворяйся али нет, подделывай манеру речи, яркости образу добавляй, облачайся иначе или руками пищу бери, а всё одно — принцесса Ацерола плохим человеком казаться не стала ни на йоту.

Прекрасная принцесса всё так же прекрасна.

Во всех своих проявлениях¹.

Коли вдуматься, эдак выходит, будто Тропикалеск от моих рук и умер.

И смерть его видится бессмысленной... напрасной.

Вот потому и сожру его.

Я ем тех, кого убиваю. И ежели кого убиваю, то я его ем.

Моё правило.

Плоть Тропикалеска, всю изорванную, изрубленную абы как кусками — видно, что раб недюжинные усилия приложил, — едва ли съедобной назовёшь, хотя меня это ни в коей мере не отталкивало.

Восхитительный или отвратный вкус — не суть.

Жрать. Жрать. Жрать. Жрать.

Чавк, чавк, чавк, чавк, чавк, чавк, чавк, чавк, чавк.

Хрум, хрум, хрум, хрум, хрум, хрум, хрум, хрум, хрум.

Хлюп, хлюп, хлюп, хлюп, хлюп, хлюп, хлюп, хлюп, хлюп.

Глоть, глоть, глоть, глоть, глоть, глоть.

Я грызу, жую, проглатываю, перевариваю Тропикалеска.

Всё до косточек обсасываю, чтоб ни капельки крови не оставить.

До конца съем, и не важно, что первой моей трапезой опосля долгого поста должна была сделаться принцесса Ацерола.

Вымаливать прощение у Тропикалеска или же молиться перед едой, вознося хвалы Творцу, я не стану.

Взамен лишь расстараюсь, чтоб смерть раба моего не была напрасной.

Пищевая цепь.

Тропикалеск Хоумэвэйв Догстрингс и Дэстопия Виртуозо Суицидмастер: отныне наши жизни сплетены в одну цепь.

И мы, связанные, единые, жить будем ныне и присно.

— ...

Принцесса Ацерола и глаз оторвать не могла от того зрелища: глядите, владыка трапезничает, слугу подъедает! Но во взгляде барышни не сквозило отвращение или презрение, а ведь могло б: так-то пожирать пришлось сородича, а не какую-то там людишку. И уж не просто сородича, а раба моего, кровь от крови. Принцесса глядела на меня и глядела, а в глазах её ясных и честных застыло сильное чувство.

В бронзовом и серебряном...

Даже моргать барышня позабыла.

Знать не знаю, что за чувство переполняло её...

Но взгляд барышни резал не хуже ножа.

— Чего это ты на меня так тарашись — прямо неловко есть даже. Принцесса, не могла б ты глядеть в другую сторону?

— Нет, я милости прошу: дозвоьте мне посмотреть... как вы съедите сего господина!

— ...Ну, хозяин — барин.

С чего бы такая просьба — даже задумываться не хотелось: первым делом надобно употребить в пищу Тропикалеска, всего, до последнего кусочка, — тот, видите ли, по покоем ошмётками разлетелся... Поспешать надобно, покуда останки не рассыпались в прах.

Переварить слугу прежде, чем плоть исчезнет.

— Иначе говоря, поглотив господина, вы наделите его смерть смыслом? Господина, которого, к несчастью, погубила я... — молвила принцесса Ацерола, будто бы ни к кому не обращаясь.

— Али не тебе сказано было? Не ты погубила, а я! Потому и сижу-от, ем, — вот и вся недолга! Хотя мне без разницы — думай как хочешь, раз уж тебе легче на душе от таких мыслей.

— ...Помилуйте, я вовсе не хотела попать ваши чувства и вмешиваться в ваши отношения с покойным господином! Просто несколько завидно становится, с какой лёгкостью вы смерть близкого приняли, переварили!

Да я не просто перевариваю...

А в тело и сердце впускаю.

В своё нутро.

— Сколько же... Сколько напрасно убиенных, неуспокоенных горами высятся там, где ступала моя нога? Велико так, что невообразимо! А сколько греха взяла я на душу?

— Чай, нечему тут завидовать-то. Намедни-от в коридоре харчи твои нечаянно разлетелись. «Эх, столько сил на ветер!» — ещё взгрустнулось тогда, а вот хоть и жаль харчей было, да не годятся они мне в пищу-то. Так уж и пришлось смириться: пропали харчи, и кой смысл был готовить — напрасно!

«Сама понимаешь: я же не человек — чудовище, — таков итог услышала барышня, хоть в речи моей не было ни воодушевления, ни утешения. — В конце концов, дело-то в разности привычек в еде».

— Разности привычек в еде... — повторила за мной принцесса. — Хотите сказать, что так же, как вы сейчас — господина, так и я тогда должна была употребить ту еду, которая на полу оказалась?

— Ка-ка!

Ты гляди, всё близко к сердцу принимает!

Хоть и рот набит был, а удержаться от смеху нельзя!

— Болтать не смей о том, что и учинить не можешь! Говорено же было и не раз: мои привычки лишь мои. Навязываться не собираюсь.

«Каждый ту пищу есть должен, какая по нраву. Не хочется — так добро!» — и на этих словах с останками Тропикалеска было покончено: он весь до последнего куска в желудке моём очутился (на десерт остался язык; я его — глоть! — так и пролетел, не пережёванный, только свой пришлось высунуть, чтоб язык раба пропихнуть).

— Не обессудь, что пришлось обождать, принцесса Ацерола. Можешь идти, отпускаю. Ты это, не горюй попусту, дескать, мы с тобой более не увидимся. Коль скоро утомишься бродить по свету, приходи-ка в замок повидаться, с радостью приму: вишь, налопавшись плоти Тропикалеска, теперь долго протяну — умирай не хочу!

Но принцесса Ацерола так и стояла столбом посреди покоев, продолжая глазеть на меня.

Задумалась глубоко.

Глаза наши встретились: во взгляде её решимости много было.

— Суицидмастер, могу я просить вас об одолжении? — спросила дева бесстрашно, не колеблясь ни секунды, а глядела на меня глазами широко распахнутыми: один — серебряный, другой — бронзовый.

— Прошу, обратите меня в вампира!

Принцесса взмолилась смертеготовому, неизбежносмертному, неотвратимосмертному вампиру по имени Дэстопия Виртуозо Суицидмастер.

— ...Шутишь?! Али не в своём уме?!

— Нет. Я правда желаю стать вампиром, — барышня решительно покачала головой, только этот жест меня не убедил: она как будто и впрямь спятила! На что же принцессе ни с того ни с сего просить о таких вещах — хоть убей, ума не приложу!

Неужто она...

Всерьёз говорила, будто *завидует* мне? Не верю!

— Я пока не знаю, как можно удержать людей, дабы ни одна живая душа более не пыталась преподнести мне в дар свою жизнь, — откровенничала барышня. — Да сие, пожалуй, будет вечной тайной для меня. А вот ежели бы я обрела смирение в душе, то смогла бы принять все пожертвованные мне жизни, — как было бы замечательно! Всенепременно!

«Мечтаю их внутрь себя пустить, — продолжала она. — Ежели посчитать, что люди, дабы показать свою любовь, добровольно отдавали жизни во имя моё, то что же, тогда я желаю ответить их светлым чувствам тем же, употребив их плоть в пищу!» — пояснила принцесса Ацерола.

— Что угодно отдам, лишь бы смерти убиенных не были напрасны! По моей вине погибли многие, а потому съесть их останки надлежит мне. Намерение моё твёрдо!

— ...

«Да она ж — погляди-ка! — совсем умишком-то тронулась! — мелькнуло у меня в голове. — Замучила себя до изнеможения и, поди, навеки вечные с разумом рассталась?»

Хотя обладай барышня слабым рассудком, мы бы и не оказались даже в таком запутанном и бедственном положении.

Всему виной её умонастроение: интересы, ценности, мотивы, порывы души.

Проявления всякие её чувства прекрасного.

Выходит, сия особа высокородная нисколько не шутила и рассуждала в здравом уме.

Принцесса Ацерола желала придать смысл погибели, какую принесла многим странам; чтоб жертвы людей, кои расстались с жизнями во имя великой цели, во имя поклонения этой барышне, оказались ненеправильными. Чтоб гниющих в земле мертвецов почтить и придать их поступку важное значение — стать плотью и кровью самой принцессы.

Ну разве это не прекрасно?

Ну разве она не прекрасна (хотя куда больше-то)?

— Заклинаю вас! Не откажите в просьбе, обратите меня в вампира! Сделайте милость, испейте моей крови, Суицидмастер!

— ...Понимаешь хоть маленько-то, что ждёт тебя следом?! Не будет душе твоей более места под солнцем!

— Понимаю. Я всё знаю про вампиров. Они обращаются в прах, попав на солнечный свет, распадаются, узрев распятие, вспыхивают пламенем, дотронувшись до серебра, и тают в воздухе, отведав чеснока, верно? Как видите, я молю вас, полностью сознавая, что меня ожидает.

— Да я ж о другом толкую-то, ну! Слабости эти ты, чай, одолеешь без особого труда! С ними ещё можно справиться, а вот побороть тьму в себе нельзя! Ты перестанешь быть человеком! Понимаешь это али нет?!

— Я понимаю. И молю вас, полностью сознавая, что меня ожидает.

Сдаюсь.

Эта барышня поупрямее меня.

От своего уж не отступит.

Как много было их, жаждавших обрести жизнь вечную, жаждавших моими рабами стать? А тех, кои искали красивой наружности? Несть числа. Аж изжога подкатывает, как вспомню, сколько их слопать пришлось!

Однако ж человечешку, умоляющего испить его крови, чтоб опосля он своих сородичей пожрал, впервые вижу.

Барышня хочет подкрепиться массой убиенных, чтоб искупить вину за массовое убийство.

Да решил бы кто на такое... кроме принцессы Ацеролы?..

— Переживания твои мне ясны. И стремления, как думается, похвальны: аж помочь хочется.

— Тогда...

— Да только не по силам мне. Не могу я тебя ни сожрать, ни рабой обратить: для того надобно вонзить клыки в твою нежную кожу.

Мысль эта уж посещала меня. Не раз и не два.

Опосля того как Тропикалеск с наглостью и досадой указал владыке на постыдные слабости, в голове мелькнуло: вот бы принцессу Ацеролу не испить до капли, а в рабу обратить, а?

Но укусить принцессу — то же, что и навредить ей.

Всё одно что изранить, изувечить, извести.

Вернётся мне сторицей, не сомневаюсь, коли крови барышни испить захочу. Выйдет так, что укушу в зашеек не её — себя!

И в этом — увы! — моё бессилие!

И съесть нельзя, и вампиром сделать! Никакой возможности.

Ни сожрать, ни пособить.

— Неужели сие одинаково невозможно, даже ежели я сама того желаю? — огорчилась принцесса.

— Невозможно — как пить дать! Положим, мы и договорились бы меж собой, да-от только всё чрезмерное «нападением» расценится, — это ж, чай, всё одно, кабы ты просила убить тебя!

С той поры как принцесса Ацерола в замок переселилась, Моей светлости нужно было начать крайне чутко следить за словами и делами своими, чтоб не соврать ненароком барышне, не задеть поступком небрежным. А теперь уж само приглашение в замок кажется затеей опасной весьма.

Ни человеку, ни вампиру не дано подпортить али свести на нет красоту Прекрасной принцессы.

— Уразумей уж, что ничто: ни твои хотения, ни чувства, ни умонастроение — ничто на проклятие не повлияет! Сама посуди-то, ну! Ты желаешь, чтоб не умирал никто, а они, поди ж ты, мрут! Кончают жизнь самоубийством супротив твоей воли. Избирают путь разрушения.

— ...

— Могу и счастья попытать, коли попросишь посодействовать любой ценой, только-от боюсь, что для меня всё суицидом кончится, кроваво-красным и изощрённым. Почитай, не хотелось бы вновь оказаться свидетелем подобного ужаса?

— ...

— ?

Раз молчит, стало быть, согласна со мной? Или же молчание её — знак того, что слова мои барышню не убедили?

Нет, кажись, ни то, ни другое.

Принцесса всё никак не отступится, извилинами ворочает.

И даже после всего упомянутого думу думает.

— ...Суицидмастер. Вы настаиваете, что моё умонастроение ни на что влиять не может, так?

— некоторое время спустя осведомилась барышня.

— ? А, ну, так-то оно так. Не скажу, будто твоё умонастроение совсем не важно, просто чаяния и желания круга твоего гораздо важ...

— А помните, как я по глупости своей чуть глаз не выколола?

К чему это она? Аж с толку сбила.

Однако ж то недоразумение уж прочно въелось в память, да и не только в память: с правой ладони так и не сошёл ожог.

А поди ж ты, глупостью её порыв я более не считаю.

Но вот погорячиться — это да, с моей стороны случилось. Не стоило строжиться и отчитывать принцессу: она моими предложениями руководствовалась, стало быть, вина моя.

— Когда одной рукой у меня канделябр выхватили, а другою на постель толкнули? — напомнила барышня.

— Как же не помнить... И что ж с того?

— Что же думаете, отчего сумели оттолкнуть меня?

— Отчего?..

И мне раз-другой приходил вопрос этот в голову.

Как-никак обидчику воздастся за всякое «нападение» на принцессу Ацеролу.

— Видать, потому, что на перину упала? Не пострадала, вот и со мной обошлось.

— Но я страдания испытала! Боль мучительную! — возразила принцесса.

Врёшь!

Да какое там! Боль даже не исказила твоё личико!

— На груди моей, напротив сердца, до сих пор рдеет след вашей руки.

— ...

Ну вот, а я о чём толкую?!

Упасть — упала верно, куда повалить мне и хотелось — на пуховую перину, — а только отдача должна была смести меня ещё за миг до того. Расплата за порыв. Само падение не принесло барышне урона, но вот тычок в грудь, причинивший ей боль, иначе, чем «нападением», проклятие бы не расценило.

Из чего явствует одно: *резкое движение*, направленное против принцессы, — чай, оно вышло бы не таким уж мощным, чтоб разорвать на куски, — отразилось бы на мне. И тогда бы сколько ни пытайся, а барышню никак не отпихнёшь.

Тогда в чём дело-то?

Как же у меня получилось?

— С той поры я всё размышляла: как же это возможно? — а послушав вас, будто бы кое-что поняла. Именно умонастроение окружающих, а не моё, которое ни на что не влияет, необходимо брать в расчёт, и ежели дело обстоит именно так...

Принцесса Ацерола приложила ладони к груди.

Знать, туда, где алел след от руки моей.

— Суицидмастер. Вы решились оттолкнуть меня не потому, что хотели причинить боль, а дабы защитить, посему и сумели в тот раз достать рукой. Вам так не кажется?

— ...

Бредни какие-то!

Да не верю я, чтоб слабость ведьмино проклятья крылась именно в *чувствах* всяких — даю голову на отрез! — а впрочем, как тут не согласиться с барышней? Нет ничего более *чувством наполненного*, чем проклятие: насылают-то его оттого, что сдержать их нельзя.

Что же это получается... в этих чувствах всё дело?

По совести сказать, неведомо мне, что за чувства такие толкнули меня на действие в тот миг: рывок был сделан прежде, чем что-либо сообразить (а соображаю я и так худо). Знаю наверняка лишь одно: и в мыслях у меня не было навредить принцессе Ацероле, боль причинить.

Нет, другое совсем: лишь бы отобрать канделябр!

И раз на груди принцессы красный след остался, то, стало быть, дело поистине в чувствах!

Чувства...

Мои чувства...

— Ваше внезапное «нападение» на меня — а это, скажу не тая, представлялось полнейшим неуважением к моим чувствам, — ваше «нападение» в тот момент, когда я собиралась выколоть себе глаз, в конечном счёте не было расценено как таковое... Не потому ли, что вы уверовали, будто поступаете так ради моего блага? — спросила принцесса Ацерола.

«Очень может быть», — такую оценку заслужили от меня мысли барышни, которые она повторила как будто для порядку, чтоб в правоте лишний раз убедиться.

Мне-от ещё повезло дёшево отделаться, — это, пожалуй, можно было бы окрестить особым случаем или совпадением, кабы отдельно от всех обстоятельств рассматривалось. Однако если же взять за истину размышления барышни, то всё на свои места встает. *Так вот отчего* мрут полчищами те несчастные, не считаясь с чувствами Прекрасной принцессы!

Те попросту уверовали, будто жертвуют собой во благо принцессы... Оттого дева и не в силах им воспрепятствовать, как бы ей больно и убийственно горько ни было.

Доля правды есть, не поспоришь. Эко её озарило, только глянь!

Тропикалеск, небось, потому и действовал не спросясь, приказ нарушил.

Ну ладно, а дальше-то что?

Сделанное нами открытие, вне всякого сомнения, объясняет действие проклятья, наложенного на Прекрасную принцессу, да только-от знания эти всё одно не помогут выбраться из тупикового положения.

Скорее, они лишь говорят о безнадёжности этого самого положения: как страстно ни желай барышня, а в вампира обратить её нельзя. Мне не по силам. Разве не так?

— Не совсем. Суицидмастер, послушайте, ежели вы...

«Ежели вы соизволите испить моей крови ради моего же блага, думая, что так будет только лучше, сего окажется вполне достаточно для „приготовления“», — решительно заявила принцесса Ацерола.

Примечания

1. Выражение «*сюси-иккан*» берёт своё начало в хронике Ханьшу, где в «Жизнеописании Ван Мана» сказано: «...Великий князь[, дарующий спокойствие династии Хань,] взял всё в свои руки и отдался делам полностью, связав их „единой нитью“...» Если рассматривать его по частям, то первая, «*сюси*», говорит нам о полноте, нераздельности, неизменности чего-либо, а вторая, «*иккан*», вдобавок относит к одной из мыслей Конфуция, который говорил своим ученикам, что «...Путь [мой] пронизан Единым», где под «Единым» подразумевал

преданность и взаимность. Таким образом, *«сюси-иккан»* однозначно показывает: принцесса, несмотря ни на что, остаётся преданна себе, то есть в плане красоты — неизменна до самого конца.

Это всё по воде вилами писано.

Одна догадка другой стоит.

Все эти предположения, умозаключения ничего не доказывают — один лишь самообман.

А планы принцессы обещают вполне осязаемую опасность.

И если рискну попытать счастья — авось удастся кровушки-то попить? — то никто не поручится, что вернусь к жизни: слишком много голодных смертей повидала моя шкурка.

Я более не могу позволить себе помирать: ныне даже одна смерть — угроза.

Тело истощено, даром что в желудке переваривается Тропикалеск, а отрицать это — расчёта нет. Того и гляди деве придётся не только лицезреть, как я разлечусь на куски, но и, чего доброго, выхаживать незадачливого вампира.

Вот она в чём опасность-то! Однако ж барышня тоже искушала судьбу: над ней завис дамоклов меч — нельзя с таким не считаться.

Положим, меня ждёт успех, я отведаю крови принцессы Ацеролы, но разве можно сказать, что план барышни удастся и рабой она станет? А вот и нет!

Точных цифр у меня нет, а всё ж опыт говорит, что частенько чистокровные люди в вампиров *не* обращаются.

Иногда-от сосёшь кровь из человека, и он умирает — это тебе, считай, повезло, — а то ведь он может наполовину нежитью сделаться — тварью ужасной, ни живой, ни мёртвой.

Вот будет жалость-то, коли Прекрасная принцесса, краса, несущая погибель народам и странам, не просто помрёт, а нежитью полудохлой сделается!

Разного рода опасностей и недостатков даже не исчислить — до того их много, — потому предложение принцессы ни в коем разе не назвать отменным.

И что самое главное, исход затеи зависит от моих чувств — хуже и придумать нельзя!

Вонзаясь клыками в шейку девы, чтоб кровушки испить, важно помнить: всё это делается не ради того, чтоб голод заглушить, а во благо принцессы Ацеролы.

Непричастно, самозабвенно...

От как надобно её укусить!

Да только смогу ли?

Тот раз с канделябром был как порыв, точно бы рефлекс сработал. Попроси меня осознанно повторить — и знать не знаю, что делать надобно, — это я как на духу говорю!

Тропикалеск-от настаивал, что у Моей светлости чувство привязанности есть к принцессе Ацероле, ну а даже коли так, то у меня всё едино нет ответа на вопрос, сможет ли привязанность к ней побороть аппетит?

Как-никак, это дело такое: никогда не узнаешь, покамест не попробуешь.

Что ни говори, а проверять догадку точно на яд пищу пробовать: тут подготовиться нельзя — делать надобно сразу, а что тебя ждёт по итогу — никто и не ведаёт.

В конце концов, принцесса Ацерола прямо встала, голову отвернула, шею для укуса вытянула да руки крестом раскинула.

— Я, быть может, и дурёха, но всё же попрошу вас, Суицидмастер, — пригласила она, и в голосе барышни не чувствовалось ни капли тревоги.

Эта тонкая изящная шея...

Сквозь прозрачную белизну её прекрасной кожи виднелись голубоватые жилки...

Один их вид уже распалил мой аппетит.

Жаль только, надобно подавлять свои желания.

— Да был бы дурак таким смелым, когда храбрость-то — от силы, а сила — от ума! Не дело тебе оставаться человеком; провались я на этом месте, но ты достойна лучшего!

— Я приложу все усилия, дабы оправдать ваши надежды, владыка!

— ...Оставь-ка эту манеру речи, принцесса Ацерола; хоть я и превращу тебя, а всё одно лебезить передо мною не надобно.

«Экая ты девица забавная: такое время, а — умудряешься серьёзничать!» — услышала барышня моё замечание.

— Со смертью Тропикалеска я упраздняю повинность рабскую! Этот верный раб будет последним... Эх, неизлечимый дурак: чай, гордился тем, что был моим единственным прислужником!

— Вы настаиваете?.. Тогда как же мне обращаться к вам?

— Как и до этого — Суицидмастер.

Это всё, конечно, хорошо, только-от сначала нам двоим надобно пережить укус, а то загад, как известно, не бывает богат.

— Заруби-ка себе на носу: Моя светлость обратит тебя в вампира, а значит, ты должна тому отвечать и вести себя так, чтоб мне не было стыдно! А то вон опять перешла на высокопарный слог, как я погляжу! И что-то давно не слышно смеха! Где же тот яркий смешок, пример которому тебе дан был?

— А, д-да. Ка-ка! — уголки губ принцессы задрожали, будто рот свело судорогой.

А мне-то всего лишь пошутить хотелось, чтоб напряжение сбавить...

Тревожно мне за её будущее.

Кабы знать, есть ли оно у неё вообще.

— Вы только не подумайте ненароком, будто бы я в трепет... то бишь ты невзначай недоумекай, яко же я менжуюсь... Я доверяю вам полностью... ой, поверяюсь тебе!

— Доверяет она... Глянь-ка! Ты меня знай не смей в такой-то ответственный момент! Людям верить — это в характере добродетелей, а я тебе не человек — чудовище!¹

— И я намереваюсь обратиться таким же чудовищем... Желаю сделаться похожей на вас! — в одночасье промолвила принцесса Ацерола, воротившись к своей былой манере речи. Однако её следующая фраза заставила удивиться: вряд ли бы барышня заявила эдакое во второй раз, кабы на собственной шкуре знала, как это тяжело: — Я желаю стать суровым и могучим, но добросердечным и прекрасным вампиром, как вы!

— ...Тебе-то уж всё по плечу будет, Принцесса Ацерола, — услышала она в ответ. Вся та чепуха, что несла дева, пролетела мимо моих ушей. О, кстати, надо бы исправиться: — Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

«Твоё имя — Киссшот», — пришлось пояснить в ответ на недоумевающий взгляд барышни.

— Смотри-ка мне! Чтоб сожрала всех людишек, которые погибли во имя твоё: кусай их, точно целуешь. И как знать, может, однажды, обретя бессмертие и прожив долгую жизнь, ты всё ж таки встретишь на своём пути великодушного принца.

— Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд... — повторила за мной принцесса, точно бы переваривая новое имя, после чего согласилась: — Оно прекрасно, Суицидмастер! Дэстопия Виртуозо Суицидмастер! Первостатейное имя! Я несказанно счастлива! Вот увидите: я приложу все усилия и стану величайшим вампиром, что прославит и вас, и данное вами имя!

— Да, это ты всё верно делаешь, без добросовестности в нашем деле — никуда... Вот, кстати, тебе последний урок: коли ты несказанно счастлива, смейся-от так...

Почитай, рановато было учить этому деву: не поспела, чай, ещё устояться-то её манера речи; хотя кто ж его знает, будет ли у меня другая возможность?

Так что ни о чём не надобно жалеть.

Коли мне предстоит дегустация... то, как говорят, принял яд — вылижи блюдце.

— Ха, — вырвалось из моей груди.

Потому как счастье моё было несказанным.

— Ха! Ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха! А-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! А-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а!..

Голос мой перешёл на вибрато.

И причиной тому была неописуемая радость: давно уж хотелось вкусить крови превосходного качества... Но точно так же радость пришла и от того, что могу пособить принцессе.

— Испей же крови моей! — промолвила Киссшот бесконечно прекрасным голосом, и мои клыки вонзились в её зашеек.

Точно сущий пустяк случился.

Убил — съел. Убил — полюбил.

Можно подумать, что еда и любовь для меня — вещи неотделимые.

Примечания

1. Примечательно, что детерминативом иероглифа «верить» (信) является «человек» (亻).

Вот так единственная дочь богатой и знатной семьи, некогда носившая имя Лора, а между тем ещё и наследница императорского престола, в стародавние времена величавшаяся Прекрасной принцессой, и превратилась в вампира, позднее обретшего известность под именем Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Одним словом, всё закончилось благополучно.

До того благополучно, что даже интересу нет — разочарование одно.

Барышня стала чудовищем, пожирающим людей, а Моей светлости удалось в живых остаться... Кажись, во мне всё ещё теплится жизнь.

Даже не представляю, почему всё так удачно сложилось, вот зуб даю!

Загадка!

Дева была дорога моему сердцу, — это, почитай, неоспоримая правда, однако ж нельзя сказать точно, будто крови её удалось испить и помочь в её деле лишь благодаря чувствам, которые она пробуждать умела.

Не исключено, что клыки мои прорвали барьер проклятия и добрались до плоти барышни как раз потому, что для Прекрасной принцессы акт этот сулил благо — вечную жизнь.

А мне так и не удалось понять, что за чувства у меня к ней: дружба, любовь или похоть?.. Что ж, голод тому виной или нет, но всё закончилось благополучно, а значит, причины не так важны.

Как всё-таки приятно вспомнить былое!

Уж шесть сотен лет минуло с тех пор — кто ж истину теперь найдёт? Чего уж гадать попусту... А что до самой принцессы, то после превращения та отправилась скитаться дальше, бесцельно и бесплодно.

Мне же пришлось покинуть Замок Трупов — после смерти Тропикалеска он показался слишком огромным, чтоб жить там в одиночку, — да и к тому же как тут останешься в вымершем королевстве? Даже мысль закралась в голову: а не составить ли компанию принцессе, если та, конечно же, против не будет? Однако эта идея вскорости оставила меня.

Мы с ней хоть и вампиры, но нам не по пути.

Поскитались бы, поскитались, а там, глядишь, захотели бы сожрать друг дружку.

Как следствие, о её дальнейшей судьбе знаю я только по сплетням, обрывкам слухов. Да уж, вампиром она стала знатным... железнокровным, теплокровным, хладнокровным вампиром, Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Золотые волосы, золотые глаза.

Убийца Странностей, Королева Странностей.

Вы тоже, поди, о ней наслышаны?

А я-от слышу когда о деяниях Киссшот — и гордость распирает! Это ж укус Моей светлости превратил её, наградил золотыми глазами, золотыми локонами; моя забота сделала её такой!

Принцесса, правда, и так от природы одарена щедро, а только сил моих в неё тоже немерено вложено! Тяжкий труд «повара» принёс благодатные плоды.

Некоторое время назад — не знаю точно когда — слухи о Прекрасной принцессе пропали совсем: видать, сумела-таки снять с себя проклятие... А может, и того больше: настоящего принца повстречала?

Или же дева, вопреки ожиданиям, нравственное падение пережила, раз вампиром сделалась, духовность там утратила, всё идеальное, что в себе хранила, да осела где-нибудь, променяв суетливость на степенность?

Интересно, не побочный ли это эффект от моего укуса?.. А вот кровь её (лакомство первостатейное, замечу!) пошла мне на благо: и по сей день чувствую себя здоровым и бодрым вампиром.

Сил аж через край!

Наверно, я самый древний вампир на свете.

А кроме того, вопреки своему имени — Суицидмастер, — умираю гораздо реже: кровь принцессы не только вкусной оказалась, но и источником долголетия.

Кабы ещё пришлось обменять жизнь свою на обращение девы в вампира, конец вообще бы стал прекрасен, однако наша история завершилась иначе.

Хеппи-эндом, по-другому выражаясь.

«И жили они долго и счастливо!»

С годами, правда, жизнь перестала напоминать сказку: времена сильно изменились и мир уже далеко не тот, что прежде.

Сейчас куда ни глянь — везде главенствует наука; расцвет научной мысли привёл к тому, что вампиры — пережиток древней веры в нечистую силу — перестали быть хозяевами положения и более не могут беспрепятственно ходить по земле; теперь нам уж нельзя держать большие запасы провианта, в связи с чем, как бы постыдно ни было признаваться в этом истинному *gourmet*, я ныне пощусь, питаюсь скромно. Обожраться и перепить в современных реалиях невозможно, — о таком даже самые смелые вампиры не мечтают.

Чёрт возьми, да вы только посмотрите, какая у меня теперь стройная фигура!

Шутки шутками (наверно, эту — про вампира, аскетическое питание и здоровое тело — мог бы понять разве что такой же обитатель подлунного мира), а если б не испить мне тогда крови Прекрасной принцессы, давно б моё тело иссохло от голода.

С течением времени контроль и надзор за людьми, осуществляемый соответствующими органами, только усилился, и теперь уж вампиры находятся под угрозой исчезновения. «Сверхъестественные создания будут существовать, пока не переведутся люди», — с каждым днём становится всё труднее и труднее продолжать верить в эту бесхитростную, оптимистичную истину. Что тут ещё скажешь, если даже небезызвестный Санта-Клаус, похоже, и сам угодил в Красную книгу!

Этот мир жесток: горько живётся нашему брату!

Однако, несмотря на все горечи, я не кляню такую жизнь.

Хотя, конечно, было бы здорово, кабы остаток дней моих был похож на нежнейший десерт; кабы довелось пожить в неге и удовольствии!

Боюсь только, что, судя по тенденциям в обществе, недолго мне осталось торжественно представляться смертеготовым, неизбежносмертным, неотвратимосмертным вампиром. К слову, пора бы уже что-то делать с обращением, а то «Моя светлость», когда-то придававшая яркость моему образу, уже изжила себя. Да-да, *Моя светлость* уж в преклонном возрасте — нечего и говорить!

А только стоит вспомнить об ученице моей, о том, как брала пример с меня, так всё: более не могу решиться на перемены! Пожалуй, поговорю ещё пока по-старому.

Кстати, поговаривают, дескать, Киссшот-то прикончили специалисты, охотники на вампиров, в одном островном государстве где-то на Дальнем Востоке... С ума сойти — да это же чистой воды ложь!

Не поверю ни в жисть!

Видеться мы перестали, однако ж она раба моя, и я как-никак чувствую, жива та или мертва!

Тем не менее слухи о её смерти не дают мне покоя, хоть я и стараюсь не думать о них. Нет, о Киссшот ничуть не волнуюсь, просто... может, стоит свидеться? А то за шесть веков так и не встретились ни разу.

Если она в добром здравии, тогда я — да! — приглашу её на ужин! Забудем на один вечер о диете и отпразднуем наше воссоединение на широкую ногу, насладившись изысканной пищей и не отказывая себе ни в чём! А может, и не отпразднуем встречу, а проклянём.

В любом случае нам, двум выдающимся женщинам, пережившим за сотни лет много крутых и нелёгких историй, точно найдётся, о чём потрепаться!

Послесловие

Принято считать, что фразу «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!» сказала Мария-Антуанетта, королева Франции, однако эти слова, по всей вероятности, на самом деле принадлежали не ей¹. И это не единственный случай: знаменитым историческим персонам нередко приписывают то, чего они никогда в жизни не говорили. Например, Ода Нобунага не слагал стихотворение «Если кукушка / Не поёт — / Убей её»², Томас Эдисон хоть и утверждал, что «гений — это один процент игры воображения и девяносто девять — труда до изнеможения», но вкладывал в это крылатое выражение совершенно другой смысл³, а высказывание французского императора Наполеона Бонапарта «я не знаю слова „невозможно“» превратилось в «говорить „невозможно“ — не по-французски»⁴, — таких известных фраз можно привести бесконечное множество, однако лишь немногие из них действительно принадлежали историческим личностям, причём самое поразительное, что настоящие слова гораздо менее популярны приписанных. Читая знаменитые изречения видных фигур из истории, мы зачастую можем мысленно воспроизвести, как они произносят «свои» фразы, но, если бы исторические персоны сами послушали, какие слова люди вкладывают им в уста, они бы, вероятно, не пожелали согласиться с тем, что реально могли бы их произнести. И если представить, что такие положительные личности, как, к примеру, Эдисон, могли бы, в силу своего характера, закрыть на это глаза⁵, то кто-то вроде Оды пришёл бы в ярость от подобных инсинуаций⁶. «А-а, так вот какого вы мнения обо мне? — наверняка удивился бы великий человек своим потомкам. — Считаете, я правда мог сказать такое?» Между прочим, особенно часто подобные (и порой сильные) несоответствия встречаются между писателями и их произведениями: бывает, наткнёшься на блестящий афоризм и подумаешь: «Да-а, как метко выразился легендарный поэт-сказитель!» — а потом начнёшь искать источник и обнаружишь, что это, оказывается, вырванная из его книги цитата, после чего не поймёшь, как к тому афоризму относиться: в контексте он может выражать совершенно другую мысль. На ум сразу приходит фраза: «Автор и его произведение сосуществуют отдельно друг от друга. Все события вымышлены, а любые совпадения случайны. Приятного чтения». И нет, это не чья-то цитата, — вы не подумайте. Возвращаясь к изначальной теме, стоит отметить, что на приписывание фраз великим людям можно возразить, прибегнув к *probatio diabolica*⁷: если какое-либо выражение не отражено в хрониках, это ещё не значит, что та или иная историческая фигура её не произносила; впрочем, трудно представить, чтобы Мария-Антуанетта, будучи дамой модной и предпочитающей изысканные наряды, не отказывала себе в высококалорийных пирожных точно так же, как и в хлебе.

Как видите, из второго тома *Monogatari Series Off Season* получился такой же сборник нулевых эпизодов, как из моей предыдущей работы, *Oroka monogatari*. Рассказы «Эпизод нулевой: Bon Appétit Ацерола», «Эпизод нулевой: Демоны Карэн» и «Эпизод нулевой: Спящая Цубаса» положат начало новой истории... по идее. Поместив во вступительной части книги сказку «Прекрасная принцесса» — этот приквел к истории Осино Синобу, а также приквел к *Kizumonogatari*, которую тоже можно считать отправной точкой всего «Цикла историй», ранее уже публиковался в аниме-фанбуке⁸, — мне удалось связать в одном томе прошлое, настоящее и будущее. Буду очень рад, если такое «четырёхмерное чтение», позволившее в нарушение всех законов времени одновременно видеть множество хронологических последовательностей, пришлось вам по вкусу⁹. Вот и, в принципе, всё, что я хотел сказать. Эта книга была написана на 100% для развле-«ка-ка!»-ловки. Вы читали *Wazamonogatari*, второй том из *Monogatari Series Off Season*. *Bon appétit!*

Благодарю VOFAN за то, что он согласился нарисовать для обложки одну из версий Синобу из «Демонов Карэн» (ту, когда она выглядела как маленькая десятилетняя девочка). Спасибо большое! Кстати говоря, у «крёстной матери» Синобу — Дэстопии Виртуозо Суицидмастер — есть одна особенность, о которой она умолчала: с каждой смертью её тело становилось всё больше и больше похожим на детское, — вот наглядный пример ненадёжного рассказчика. Смысл этого художественного приёма заключается в том, что мы, читая произведение, не знаем, о чём рассказчик, в данном случае Дэстопия, умалчивает, зато теперь, узнав о её особенности, можем предположить, как сочувствовал ей Тропикалеск, наблюдая за изменениями владыки, и причитал про себя: «О, какое несчастье!..» Что же, на этом я с вами прощаюсь. В рамках *Off Season* планируются ещё как минимум две книги. До новых встреч!

Нисио Исин

Примечания

1. Впервые эта фраза, пусть и не в привычном нам виде, встречается в автобиографической книге Жан-Жака Руссо «Исповедь». В частности, он вспоминал случай, как одна принцесса (автор не указал конкретного имени, но на тот временной отрезок Мария-Антуанетта была ещё незамужней принцессой), когда ей доложили, что у крестьян нет хлеба, ответила: «Пуускай едят пирожные». Скорее всего, издевательскую фразу придумал сам Руссо, но французскому народу, ненавидящему Марию-Антуанетту, очень хотелось верить, что она принадлежала королеве.
2. Впервые это хокку появилось в сборнике коротких рассказов «Касси-ява» Мацурэ Сэйдзана. Однако вместе с ним было ещё два других похожих хокку, где непоющую кукушку предлагали заставить петь или спокойно дожидаться, когда она запоёт сама. Автор этих стихотворений неизвестен, но люди приписывают первое — Оде Нобунаге, второе — Тоётоми Хидэёси, а третье — Токугаве Ияэсу. Считается, что эти хокку отражают характеры этих трёх военных и политических деятелей, а также их подходы к управлению.
3. Это выражение очень популярно в Японии, но интерпретируют его зачастую неверно, поясняя, что якобы «без одного процента игры воображения все девяносто девять процентов труда до изнеможения не имеют смысла». На самом деле Эдисон имел в виду, что мало иметь талант, его ещё необходимо развивать. Нужен ударный труд, чтобы претворить вдохновение в реальность, и тогда человек действительно может сделать что-то гениальное.
4. Фраза, приписываемая Наполеону I. Во время битвы при Сомосьерре в 1808 г. Наполеон приказал польским солдатам атаковать в лоб и взять четыре батареи пушек, но один из офицеров возразил, что это невозможно, на что император ответил: «Как? „Невозможно“? Я такого слова не знаю! Для моих поляков нет ничего невозможного!» Фраза императора разошлась среди солдат, со временем дошла до высшего света и трансформировалась в «говорить „невозможно“ — не по-французски» с намёком на то, что это уже для французов не существует ничего невозможного.
5. Томас Эдисон, по свидетельствам современников, не раз говорил, что «достоинства человека определяются его делами, а не тем, что о нём говорят».

6. Ода Нобунага отличался буйным, жестоким и необузданным характером.

7. Дьявольское доказательство (*лат.*) — логическая дилемма, которая заключается в том, что отсутствие доказательств не опровергает существование чего бы то ни было.

8. Имеется в виду *Anime Monogatari Series Heroine Book #3: Oshino Shinobu*. С 2013 по 2014 гг. издательство «Коданся» выпустило в печать 6 таких сборников, каждый из которых был посвящён одному из главных женских персонажей. Сборник включал интервью создателей и сэйю, арт-бук, короткую историю или мангу. В фанбуке Синобу помимо всего прочего как раз была «Прекрасная принцесса».

9. Предполагается, что абсолютное четырёхмерное существо может видеть всё время сразу: прошлое, настоящее и будущее. Также и читатель, взяв в руки книгу, одновременно видит события (каждый рассказ — своя хронологическая последовательность), происходившие в разное время.